

В работе рассматриваются различные теоретические аспекты контрфактического моделирования потенциального прошлого, связанных с ним контрфактических исторических исследований (КФИ). Уделяется внимание их современному состоянию (в авторской трактовке); источникам формирования контрфактических гипотез и сценариев; роли синергетики в становлении методологии КФИ, месту КФИ в системе научного познания. Подчеркивается самостоятельный, междисциплинарный статус прошедших длительную эволюцию контрфактических исторических исследований и осуществляемого на их основе моделирования потенциального прошлого. Указано на бесперспективность редукции (сведения) контрфактических исторических исследований к вспомогательному средству традиционного исторического познания и трактовки их содержания с позиции какой-либо одной философской теории (например, концепции соотношения возможности и необходимости). Показано, что современное контрфактическое моделирование потенциального прошлого предполагает широкий синтез методологических подходов философских и иных дисциплин (прежде всего – исторической науки). Выделяются некоторые перспективы контрфактического моделирования прошлого как научного направления.

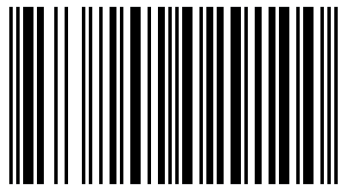

Родился в 1976 году. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Доктор философских наук, профессор. Работаю в МГТУ им. Н.Э. Баумана на кафедре философии. Сфера интересов - общие проблемы философии истории, альтернативность исторического процесса, контрфактическое моделирование прошлого и его теоретико-методологические основания.

Валерий Нехамкин

Контрфактическое моделирование исторического процесса

Философские и методологические основания

978-620-2-02910-0

Валерий Нехамкин

Контрфактическое моделирование исторического процесса

Валерий Нехамкин

**Контрфактическое моделирование
исторического процесса**

Философские и методологические основания

LAP LAMBERT Academic Publishing

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

LAP LAMBERT Academic Publishing

is a trademark of

International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group

17 Meldrum Street, Beau Bassin 71504, Mauritius

Printed at: see last page

ISBN: 978-620-2-02910-0

Copyright © Валерий Нехамкин

Copyright © 2017 International Book Market Service Ltd., member of
OmniScriptum Publishing Group

All rights reserved. Beau Bassin 2017

В.А.Нехамкин

**Контрфактическое моделирование исторического процесса:
философские и методологические основания**

*Нехамкин Валерий Аркадьевич –доктор философских наук, профессор,
кафедра философии МГТУ им. Н.Э. Баумана*

Рецензент:

доктор философских наук, доцент МГОУ **Бакурадзе А.Б.**

Контрфактическое моделирование исторического процесса: философские и методологические основания: Монография. Saarbrücken. LAP Lambert Academic Publishing, 2017. 99 с.

Аннотация: В работе рассматриваются различные теоретические аспекты контрфактического моделирования потенциального прошлого, связанных с ним контрфактических исторических исследований (КФИ). Уделяется внимание их современному состоянию (в авторской трактовке); источникам формирования контрфактических гипотез и сценариев; роли синергетики в становлении методологии КФИ, месту КФИ в системе научного познания. Подчеркивается самостоятельный, междисциплинарный статус прошедших длительную эволюцию КФИ и осуществляемого на их основе моделирования потенциального прошлого. Указано на бесперспективность редукции (сведения) КФИ к вспомогательному средству традиционного исторического познания и трактовки их содержания с позиции какой-либо одной философской теории (например, концепции соотношения возможности и необходимости). Показано, что современное контрфактическое моделирование потенциального прошлого предполагает широкий синтез методологических подходов философских и иных дисциплин (прежде всего – исторической науки).

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Контрфактические исторические исследования: современное состояние.....	7
Глава 2. Источники по Альтернативной истории и их методологическое значение.....	27
Глава 3. Синергетика и методология контрфактического моделирования прошлого.....	51
Глава 4. Контрфактические исторические исследования в системе научного и философского познания.....	70
Заключение	88
Библиография	91
Избранные работы автора по теме	97

Введение

В предлагаемой читателю работе речь пойдет о специфическом междисциплинарном направлении познания потенциального (которое могло бы быть) прошлого. На уровне обыденного изучения мира оно называется либо «проблемой сослагательного наклонения в истории» (суть которой выражена в известной народной мудрости «если бы, да кабы, да во рту росли грибы»), либо Альтернативной историей. В науке дело обстоит сложнее. Кроме упомянутых выше категорий, используются понятия «виртуальная история», «экспериментальная история», «криптоистория» и т.д. Автор придерживается позиции, согласно которой потенциальное прошлое изучается именно в рамках контрфактических исторических исследований (КФИ). (Причины использования данного термина объяснены в главе 1). Здесь происходит полный цикл анализа данного объекта: формулировка альтернативной исторической гипотезы (с использованием конструкции «что было бы, если?»), создание на ее основе развернутого описания (сценария), его проверка силами (и средствами) науки. Итог исследования – моделирование возможного варианта становления исторического процесса (или их серии).

Поскольку КФИ по сути междисциплинары (находятся на стыке философии, истории, психологии, экономики и иных наук), постольку здесь возникают сложнейшие гносеологические (теоретико-методологические) и этические (может ли ученый рассуждать на подобные темы, оставаясь в предметном поле науки, или вынужден уходить из него в художественную литературу, иные сферы познания) вопросы. Некоторые из проблем рассмотрены в книге. Например, каково современное состояние КФИ, их методологии (глава 1)? Далее: у традиционной исторической науки есть ряд источников (от археологических артефактов до чисто письменных), по которым она раскрывает прошлое. Существуют ли аналогичные основания у КФИ, моделирования потенциального прошлого, или оно, как полагают его противники, полностью построено на фантазиях отдельных мыслителей (глава 2)? Кроме того, наряду с КФИ ныне активно развивается и другое междисциплинарное направление познания: си-

нергетика. Причем, она завоевывает «умы» специалистов (особенно российских) крайне быстро. Некоторые из них даже полагают, что только с помощью методологии, предоставляемой синергетикой, можно познавать (моделировать) потенциальное прошлое как серию спонтанно появляющихся «исторических развилок», «критических/узловых точек истории»¹ и т.д. Это обстоятельство тоже ставит специфический вопрос. Должны ли КФИ «раствориться» в синергетике, полностью принять диктуемую ей для естественных и гуманитарных наук модель «точки бифуркации» или, наоборот, сохранить свою самостоятельность от подобной методологии, беря от нее только нужное для собственного развития (глава 3)? Наконец, самая популярная ныне (и, наверно, всегда) проблема в отношении КФИ: научны они или нет, выступая неким видом искусства, человеческой фантазии? А если согласиться с тем, что КФИ имеют отношение к науке, то к какой (глава 4)? Следовательно, каждая глава настоящей работы решает специфическую задачу, тем самым дополняя друг друга.

Материал глав ранее изложен в статьях автора в различных российских научных журналах, которые вышли в период между 2006 и 2017 гг. Некоторые из них (особенно представленные в главах 3 и 4) вызвали определенный интерес научного сообщества (судя по ссылкам на портале «e-Library»). Однако собранные под одной «крышей», в определенной логической последовательности, думается, дадут читателю целостное представление о столь сложном предмете, как контрфактическое моделирование прошлого, проявляющееся в рамках КФИ.

И еще одна проблема, о которой хотелось бы заранее предупредить читателя (хотя она и затрагивается в главе 1). Одни специалисты стремятся видеть в КФИ дополнение, приложение к традиционной исторической науке. Другие – рассматривают КФИ исключительно с позиции философской концепции соотношения возможности и необходимости (которая по ряду методологических позиций пересекается с синергетикой). (Наличие подобных парадигм в россий-

¹См., например: Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.

ском историческом познании показал, например, прошедший в Институте Всеобщей Истории РАН в 1999 г. круглый стол «История в сослагательном наклонении?»). Уважая обе точки зрения, автор полагает, что строить методологию КФИ целесообразно на самостоятельной основе, с учетом длительного периода их становления и беря самое необходимое от иных концепций. Исходя из подобной посылки, просил бы читателя воспринимать настоящую книгу.

Работа снабжена общей библиографией и списком трудов автора по теме.

Глава 1. Контрфактические исторические исследования: современное состояние²

Контрфактические исторические исследования (КФИ) – междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучается (и моделируется) потенциальное прошлое, выраженное в различных альтернативах. Термин «контрфактический» означает, что данные исследования работают не с «фактами» (как историческая наука), а осуществляют их намеренное изменение в познавательных целях. В тоже время КФИ (как делает А. Фоменко и его сторонники) не ставят под сомнение традиционную историческую хронологию.

Исходная предпосылка становления КФИ – обыденное познание. В повседневной жизни люди часто рассуждают о том, что могло бы случиться с ними в прошлом, если бы... Восклицают: «если бы я мог прожить жизнь иначе!» Причем, делают это не только «неудачники», но и вполне «состоявшиеся» на профессиональном и житейском поприще индивиды. Именно благодаря обыденному познанию указанные вопросы стали предметом обсуждения ученых.

Особенно интенсивно рассуждения на тему «что было бы если?», выявление альтернатив минувшего, проходило в европейской (берущей начало с Др. Греции и Рима) традиции исторического познания. С одной стороны, этим занимались и занимаются представители художественной литературы. Результат их деятельности – множество романов, повестей, эссе, посвященных данной тематике. Яркий пример – вышедший в 1836 г. роман Л.Н. Жиффруа-Шато «Наполеон и завоевание мира, 1812-1823: история всемирной монархии», где «создан фантастический мир, наступивший после поражения русских в 1812 году, завоевания мира, установления нового миропорядка и, естественно, наступления прогресса»³.

² Глава 1 написана на основе статьи: Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. 2011. № 1 (4). С. 102-120.

³ Норт Д. Наполеоновские войны. Что, если? ... М.- СПб: АСТ, 2002. С. 10.

Пограничное положение между наукой и художественной литературой занимают многочисленные антологии⁴, рассматривающие различные сюжеты на тему «что было бы, если?».

С другой стороны, КФИ прошлого занимают ученые. Так, в IV в. до н.э. Аристотель поставил вопрос в гносеологическом ключе: высказал мысль о противоположности рассуждений на тему «что было бы, если?» исторической науке и необходимости их проведения за ее пределами – в поэзии⁵. Три столетия спустя, в I в. до н.э., древнеримский историк Тит Ливий создал первое описание альтернативной войны Др. Рима и армии Александра Македонского. Следовательно, исследования альтернатив прошлого в европейской традиции проводятся более тысячи лет.

Однако даже если вслед за Д. Нортм считать точкой отсчета серьезного научного познания исторических альтернатив XIX в., то и тогда оно насчитывает «более ста пятидесяти лет»⁶. В результате обычных людей, писателей, ученых, длительный период занимающихся КФИ, роднит универсальный гносеологический вопрос. Его суть четко сформулирована В.Егоровым: «в состоянии ли человеческая мысль добраться до истины, если факты отодвигаются на второй план, а на передний выдвигаются несостоявшиеся альтернативы, когда вся система рассуждений покоится на предположениях «вот если бы ... тогда бы»?⁷. Ответы на него даются разные (иногда даже отрицательные), но сам факт их поиска говорит о КФИ не просто как междисциплинарном, а универсальном (охватывающем ряд пластов мировоззрения) направлении познания прошлого.

КФИ занимают известные западные ученые: Д.Норт, П.Цурас, К.Макси, Р.Фогель, С.Энгерман. В России можно назвать: А. Назаретяна, Ю. Лотмана, А.

⁴ А что, если бы? Альтернативная история. М. – СПб: АСТ, 2002; Дуршмид Э. Победы, которых могло не быть. М.: АСТ, 2000; Макси К. Вторжение, которого не было. М.-СПб: АСТ, 2001; Макси К. Упущенные возможности Гитлера. М.-СПб: АСТ, 2001; Победа Восходящего Солнца. М.: АСТ, 2004; Победы Третьего рейха. Альтернативная история Второй Мировой войны. М.: АСТ, 2005; If or History Rewritten. N. Y.: Harper and Row, Publishers, 1931.

⁵ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1983. С. 655.

⁶ Норт Д. Наполеоновские войны. Что, если? ... М.- СПб: АСТ, 2002. С. 10.

⁷ Егоров В.К. История в нашей жизни. М.: Наука, 1990. С. 6.

Буровского, А. Гуца, С. Кудряшова, Д.Олейникова, С. Модестова, С. Экштута, В.Молодякова, Д.Харитоновича, П.Уварова, Л.Баткина, А.Гуревича.

В РФ важной вехой в развитии КФИ стал проведенный Институтом всеобщей истории в 1999 г. круглый стол «История в сослагательном наклонении?»⁸. Здесь был подведен промежуточный итог их становления в XX в.

На мой взгляд, к настоящему времени в отношении КФИ существуют три подхода. Первый – прагматический. Суть: данные исследования выполняют вспомогательную функцию по отношению к исторической науке, позволяют извлечь из прошлого полезную информацию. Например, если надо выявить роль железных дорог в истории США XIX в., то можно предположить, что их в этот период не существовало. Это сделал Р.Фогель в работе «Железные дороги и Американский Экономический Рост». Здесь сами по себе КФИ значения не имеют. Это – одно из средств (пусть и экстравагантное) исторического анализа. Поскольку история имеет дело только с реализованными на практике возможностями, постольку, как полагает Н. Козин, исследование исторических альтернатив «выполняет вспомогательные функции по усилению аргументации закономерного характера реализовавшегося хода исторических событий»⁹. Перефразируя Фому Аквинского, можно сказать: «КФИ – служанка традиционной истории».

Второй подход – посибилитский (от английского слова «possible»–возможный). Здесь КФИ рассматриваются со стороны философской концепции «возможность – действительность». Суть: в прошлом случались ситуации, когда имело место несколько альтернативных возможностей развития. Затем одна из них реализуется на практике, а остальные самоуничтожаются. Такой подход имеет важный плюс в сравнении с предыдущим: признает объективный характер существования исторических альтернатив. Он был распространен в СССР (в существовавшем тогда историческом познании), актуален в

⁸ Круглый стол «История в сослагательном наклонении?» // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 5-85.

⁹ Козин Н.Г. Познание и историческая наука (Эмпирический и теоретический уровни знания и познания и историческая наука). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. С. 142.

наши дни, ибо прекрасно вписывается в русло синергетики И.Пригожина. Однако имеет важный недостаток. Как отмечает М. Чешков, историческая сослагательность при таком подходе «получала однозначное и достаточно плоское толкование»¹⁰. Например, за пределами анализа остается вопрос о судьбе альтернативных исторических возможностей после реализации основного варианта, историческая альтернативность сводится к отдельным периодам прошлого, имеется ряд иных недостатков.

Третий подход, которого придерживается автор работы, – эволюционный. КФИ надо рассматривать исходя из них самих, современного состояния их развития, ставшего результатом предшествующего изучения потенциального прошлого в пределах науки и не только (в художественной литературе, в обыденном познании). К настоящему времени КФИ представляют собой совокупность ряда направлений: «альтернативной истории», «экспериментальной истории», «виртуальной истории», «гипотетической истории», «криптоистории», «ретропрогностики», «несостоявшейся истории», «контрфактического моделирования», «контрфактической истории» и т.д. Такая ситуация оценивается отдельными учеными негативно. Например, А.В. Бочаров пишет: «несмотря на довольно солидную историю развития, новое направление научного анализа (КФИ – В.Н.) еще окончательно не сформировалось как в отечественной науке, так и за рубежом. Нет не только выверенной методологии, но даже общепризнанного названия»¹¹.

По моему мнению, подобное разнообразие говорит о необходимости перехода от аналитического этапа в развитии КФИ к синтетическому, объединению ряда направлений. В настоящее время на эту роль наиболее подходят Альтернативная, Виртуальная, Экспериментальная истории, которые для решения данной задачи требуется усовершенствовать в теоретико-методологическом плане.

¹⁰ Круглый стол «История в сослагательном наклонении?» // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 14.

¹¹ Бочаров А.В. Идея альтернативности исторического развития в отечественной историографии // История мысли. Русская мыслительная традиция: 2. М.: Вузовская книга, 2003. С. 150.

В рамках совершенствования Альтернативной истории следует выделить два уровня: персоналистский (изучение личностей) и событийный (событий). Дело в том, что историческая наука и контрфактические исследования прошлого изучают сходные объекты: исторические личности и события. Следовательно, они порождают особые теоретико-методологические подходы к анализу минувшего. На каждом уровне Альтернативной истории целесообразно выявить специфические методы исследования.

В настоящее время здесь активно используется такое средство познания, как мысленное изменение итога какого-либо исторического события¹². На мой взгляд, этого недостаточно. Следует выявить систему средств познания, использующуюся на персоналистском и событийном уровнях КФИ, обосновав выдвижение каждого метода примерами.

На персоналистском уровне стоит выделить следующие методы:

1. Продление бытия реально существовавшей личности в прежнем социальном качестве. Суть этого способа познания – показать, что могло бы произойти с человеком, если бы он действовал при определенных, действительных условиях в сроки, выходящие за пределы его реальной жизни. Иногда оно принимает форму особого метода: **продления бытия одного человека.** Его применение находит выражение в конкретных предположениях. Так, историк X в. Лев Диакон продлевал жизнь византийскому императору Никифору, – а затем анализировал, что в этом случае могло произойти. «Если бы рок со смертью [Никифора] (убитого соперником в борьбе за власть – В.Н.) не обернул судьбу ромеев вспять, то ничего не помешало бы им при его жизни расширить границы своего владычества на востоке до Индии, а на западе – до самых пределов обитаемого мира»¹³.

Другая разновидность данного метода – **продление жизни группе исторических деятелей.** На его основе А.А. Керсновский делает предположение о возможной деятельности ряда полководцев: «... Суворов умер 70 лет... Он мог

¹² Харитонович Д.Э. Что такое альтернативная история и кому она нужна? // Искусство кино. 2003. № 1. С. 56.

¹³ Диакон Л. История. М.: Наука, 1988. С. 45.

бы еще разбить Наполеона при Аустерлице! Кутузов мог бы дожить до вступления в Париж и не дать возможности иностранным полководцам присвоить себе победы, одержанные русской кровью ... 33-летний главнокомандующий Дунайской армией Каменский-младший после блестящих кампаний в Финляндии и Добрудже умирает от ... чахотки. Его весенней кампании 1811 года – походу на Царьград – не суждено было сбыться ... Скобелеву было бы 60 лет к началу Японской войны ... Маршал Ояма жил бы в Калуге в том самом доме, где до него квартировал Осман-паша... А в 1914 году белый Генерал (бывший к тому времени ... фельдмаршалом) повел бы Русскую Армию к новым бессмертным победам»¹⁴.

2. Пространственно-временное перемещение личности. Суть метода такова: исторического деятеля мысленно «перемещают» в другое пространство и время. Затем представляют: что могло бы при этом произойти? Например, после поражения при Ватерлоо в 1815 г. англичане отправили плененного Наполеона в ссылку на остров св. Елены. Рядом – Африканский континент. В сложившихся условиях (учитывая его кипучую энергию, организаторские способности, полководческий талант) вполне обоснованно можно предположить, что Бонапарт: 1) совершил бы побег из заключения; 2) основал новую империю. Такой прогноз лег в основу романа М. Первухина «Вторая жизнь Наполеона». Следует отметить, что мысленное перемещение именно этого человека имеет особую цель. Оно позволяет выявить содержание альтернативной деятельности Наполеона в иной плоскости, чем могло быть при использовании одного только метода продления его жизни. При этом на конкретном уровне раскрываются упущенные данной личностью возможности.

3. Приписывание «старой» личности каких-либо иных, ирреальных действий. Механизм его использования таков. На базе фактических данных, предоставляемых традиционной исторической наукой, известны действия какой – либо исторической личности, установлены их реальные последствия. Отсюда в рамках контрфактических исторических исследований для конкретиза-

¹⁴ Российский Военный Сборник. Выпуск 13. М.: Русский путь, 1997. С. 526-527.

ции альтернативы используют предположение: что могло случиться, если бы данная личность совершила иные действия или приняла иное решение?

Например, К. Макси рассматривает возможности вторжения вермахта в Великобританию в связи с иными, чем в действительности, действиями руководителя нацистской Германии А.Гитлера. «*Внезапное* (курсив мой – В.Н.) решение о вторжении (в Англию – В.Н) Гитлер принял... 21 мая 1940 года»¹⁵. Далее его уверенность в успехе операции передалась остальным германским военачальникам. «Столкнувшись с такой ошеломляющей поддержкой (плана вторжения в Англию именно летом 1940 г. – В.Н.) от Геринга, ни Браухич (командующий сухопутными войсками - В.Н.), ни Редер (командующий ВМФ – В.Н.) не смогли долго сопротивляться»¹⁶. Так, решительность А. Гитлера приводит к тому, что операция «Морской лев» (вторжение вермахта в Англию) не откладывается на неопределенный срок (как произошло в реальности), а осуществляется, как и намечено, в конце лета 1940 г. Это допущенное ирреальное действие указанной исторической личности обеспечивает ее успех. Так на подобной гипотезе строится альтернативный исторический сценарий, проводится исследование.

4. Удаление (физическое) реально существовавшей исторической личности – еще один способ познания, дающий возможность дальнейшего изучения альтернатив прошлого, позволяющий конкретизировать их. Его суть выражает формула: что могло случиться, если бы данная конкретная личность была удалена из исторического процесса?

Онтологические основания данного метода состоят в том, что любой человек мог уйти из жизни раньше, чем произошло в действительности. Это обстоятельство открывает возможность формирования конкретных предположений: например, «если бы Бисмарк умер в 1860 г. (реально это произошло в 1898 г.–В.Н.), то мировые события развивались бы в ином направлении»¹⁷. Следует отметить, что выделение этого способа познания – закономерный итог развития

¹⁵ Макси К. Вторжение, которого не было. М.– СПб: АСТ, 2001. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 39.

¹⁷ Мизес Л. Теория и история. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 137.

методологии на персоналистском уровне исследования. Так, если в отдельных случаях личности продляют существование в историческом процессе, то целесообразно провести и противоположную операцию: сократить ее жизненный путь. Это создает новые условия и возможности раскрыть альтернативный вариант развития исторического процесса.

На событийном уровне целесообразно выделить иные средства познания:

1. **Удаление события.** Суть данного метода состоит в том, что событие мысленно удаляется из исторического процесса. На этой основе изменяются условия его протекания. В итоге альтернатива развивается, конкретизируется, фиксируются новые эмпирические результаты ее реализации на практике. На базе данного метода делаются конкретные предположения. Так, В.Ключевский удаляет из исторического процесса восстание «декабристов» 1825 г. Л. Бородин – реформу П. Столыпина. Он ставит вопрос: что случилось бы, «если бы она не проводилась? ... Как шел бы (исторический – В.Н.) процесс без реформы?»¹⁸. В ходе реконструкции исторического процесса, исходя из допущения (гипотезы) об отсутствии какого-либо события, тоже может быть получена полезная информация.

2. **Изменение составляющих событие элементов (субсобытий).** Его выделение предполагает анализ структуры события. Так, каждое из них состоит из определенных, составляющих элементов, которые, на мой взгляд, можно назвать «субсобытиями». При этом конструкция «если бы» используется с конкретной целью: изменить одно из субсобытий. Только тогда можно раскрыть иное содержание исторических событий. На основе этого способа ученые выдвигают ряд предположений.

Классический пример такого предположения связан с битвой при Ватерлоо (18 июня 1815 г.). Маршал Э. Груши, исполняя данный ему накануне Наполеоном приказ, преследовал прусские войска Блюхера и потому (несмотря на уговоры многих офицеров своего штаба) не явился на поле боя. Это было од-

¹⁸ Возможны ли математические модели истории? «Круглый стол» ученых. // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 112.

ним из важнейших субсобытий битвы при Ватерлоо, которое сыграло решающую роль в ее конечном результате. Генеральное сражение в итоге проиграно французами в том числе и по указанной причине (главной ее объявил и сам Наполеон, находясь в ссылке на острове св. Елены). Но мысленно можно изменить ситуацию. Так, некоторые исследователи (Э.Аффинделл, Э.Дуршмид) допускают, что Груши, вняв просьбам своих офицеров, нарушил первоначальный приказ, принял противоположное решение. Тем самым изменение данного субсобытия битвы при Ватерлоо делает реальным и другой исход сражения. В результате полученная на событийном уровне альтернатива развивается, конкретизируется, выявляется иное возможное содержание события.

3. Изменение итога (исхода) реального события. Суть метода состоит в том, что «берется некое событие в прошлом, которое автор считает ключевым, предполагается, что исход этого события был другим, нежели в действительности, далее описывается и иная история прошлого и настоящего»¹⁹. Например, можно предположить, что: греки проиграли персам морское сражение при Саламине в 480 г. до н.э. (Ж. Кондорсэ); декабристы победили в России в 1825 г. (Н.Эйдельман, С.Экштут); Германия одержала победу во II Мировой войне (Р.Харрис в романе «Фатерлянд», авторы антологии «Победы Третьего Рейха. Альтернативная история Второй Мировой войны» и т.д.). Данный метод формирует поле и направление исследований, создает возможность для реализации конкретных предположений.

4. Продление существования события во времени. Суть метода: увеличение периода существования события в историческом процессе и конкретизация на этой основе полученной альтернативы. Например, рабство в США отменено Президентом А. Линкольном в 1863 г. Но целесообразно с помощью конструкции «если бы» продлить его. Тем самым возникает возможность высказать определенное предположение, развить полученную альтернативу, оценить на этой основе данную форму социальных отношений, степень ее эффективности. Представить: что могло случиться, если бы рабство продолжало существо-

¹⁹ Харитонович Д.Э. Цит. соч. С. 56.

вать в США до конца XIX в.²⁰. Руководствуясь подобной гипотезой, Р. Фогель и С. Энгерман установили, что в 1890 г. «цена рабов превышала бы существовавшую в 1860 г. ... на 60%»²¹. Эти и другие расчеты данных ученых заставили некоторых историков признать парадоксальный факт: «североамериканское рабство было чрезвычайно выгодной экономической системой. ... Оно являлось более эффективным, чем способ производства в северных штатах (США – В.Н.), основанный на свободном труде»²².

5. Перенос срока реализации события во времени. В традиционной истории каждое событие четко привязано к определенному времени. Так, нападение Наполеоновской армии на Россию произошло 24 июня 1812 г.; германского вермахта на СССР – 22 июня 1941 г. и т.д.

Однако в рамках контрфактических исторических исследований ученый может перемещать эти события по временной шкале относительно точки его действительной реализации. Делать это, на мой взгляд, следует по двум направлениям: как вверх, так и вниз. В первом случае срок осуществления известного события переносится в более поздний (чем в реальности) период. Причем продолжительность такого «перемещения» различна: от дней, недель, месяцев до нескольких лет. Для этого выдвигают конкретные предположения. В. Суворов (Б. Резун) считает, что, если бы Германия не напала на СССР 22 июня 1941 г., он сделал бы это сам через две недели – 6 июля. Из этого предположения строится его контрфактический сценарий, изложенный в работах «Ледокол», «День-М» и т.д.

Действительное событие в рамках контрфактических исследований перемещают по временной шкале и вниз, т.е. до срока его реального осуществления. Так, В. Кейтель полагал: если бы война с СССР началась не в июне, а в апреле

²⁰ В такой гипотезе нет ничего ирреального. В южноамериканской стране Бразилии данный институт ликвидирован только в 1889 г. «Северяне» при определенных обстоятельствах (например, быстром захвате столицы страны Вашингтона) могли проиграть гражданскую войну или (для скорейшего завершения боевых действий) конфликт мог завершиться компромиссным миром, восстанавливающим (пусть и временно) довоенный порядок именно по вопросу рабства.

²¹ Fogel, R., Engerman, S. The Economic of Slavery. The Reinterpretation of American Economic History. L.: Harper and Row, Publishers, 1971. P. 312.

²² Ладюри Э. Застывшая история // THESIS. 1993. № 2. С. 158–159.

или мае 1941 г. (как предполагал первоначально план «Барбаросса»), то она окончилась бы иначе. По крайней мере, вермахт обязательно захватил бы столицу СССР: «мы оказались бы в 30 км от Москвы, окруженной с севера, запада, юга, не в ноябре, увязая в снегу и при морозе до 40 градусов, а двумя месяцами раньше, до начала этой inferнальной стужи»²³. По его мнению, перенос начала войны на апрель-май 1941 г. мог принести Германии победу.

6. Введение в исторический процесс нового события. Суть его состоит в том, что в каузальный (причинно-следственный ряд) реализовавшихся на практике событий вводятся такие, которые не осуществились, но были реальны и вполне возможны в сложившейся обстановке. Так, во II Мировой войне принимали участие Германия, Италия, Япония, их союзники – с одной стороны (т.н. «Ось» – Берлин, Рим, Токио), и антигерманская коалиция (США, Великобритания, СССР) – с другой. Турция не присоединилась ни к одному из союзов. Однако можно сделать предположение, что данное государство (в силу симпатий части его правящей элиты к Германии) начало бы в 1942 г. боевые действия на стороне Оси²⁴. Тем самым в исторический процесс вводится новое возможное событие. Такой метод позволяет раскрыть иное содержание события, получить дополнительные знания об уже известном прошлом. В этом заключается его роль и значение в системе контрфактических исследований.

Классификация используемых на персоналистском и событийном уровнях Альтернативной истории средств анализа дана в таблице 1.

Таблица 1.

**Уровни и способы контрфактических исторических исследований
в Альтернативной истории**

Уровни	Способы анализа
--------	-----------------

²³ Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск: Русич, 2000. С. 282.

²⁴ Победы Третьего рейха. Альтернативная история Второй Мировой войны. М.: АСТ, 2005. С. 198-234.

Персоналистский	продление бытия реально существовавшей исторической личности
	пространственно-временное перемещение личности
	приписывание реальной личности иных, ирреальных действий
	удаление (физическое) реальной личности
Событийный	удаление события
	изменение составляющих событие элементов (субсобытий)
	изменение итога реального события
	продление существования события во времени
	введение в исторический процесс нового события

Указанные методы могут использоваться в Альтернативной истории как по отдельности, так и комбинированно. На их основе создаются контрфактические предположения (гипотезы) о прошлом, которые затем могут быть положены в основу сценариев.

Сформированные в рамках Альтернативной истории предположения разделяются на: 1) реально возможные; 2) ирреальные (фантастические), т.е. такие, которые при любых условиях не могли реализоваться в действительности. Для реализации этой цели нами выделены характеристики каждого вида предположений. Так, основанием реально возможных являются факты, допускается их минимальное изменение. Отсюда вытекают характеристики данного типа предположений: а) исследуемый объект перемещается только в строго определенном (не противоречащем действительности) временном периоде; б) в прошлое

нельзя переносить предметы, информацию, ментальность людей настоящего; в) они должны быть логически непротиворечивы.

Основой, на базе которой выделяются ирреальные предположения, выступают противоположные положения. Во-первых, наличие совершенно ирреальных допущений (например, М. Твен перемещал героя книги «Янки при дворе короля Артура» из США XIX в. в Англию VI в.).

Во-вторых, произвольное устранение фактов, перемещение объекта, техники в пространстве и времени, выходящее за рамки реальных возможностей. Так, канадский писатель С. Ликок (в рассказе «Бензиновое прощание») рассуждал о том, что было бы, если бы Наполеон после первого отречения от трона прощался со своей гвардией в апреле 1814 г., стоя в автомобиле. Однако данного вида транспорта в тот период еще не существовало.

В-третьих, когда ученый при формировании предположений опирается на слабо аргументированные гипотезы. Например, В. Суворов (работа «Ледокол», глава «Война, которой не было»), обосновывая неизбежность победы СССР в случае его превентивного удара по Германии летом 1941 г., ссылается на количественное превосходство советской военной техники. Но исследователь игнорирует данные о качестве Красной Армии того периода: недостаточное оснащение авиации, таковых и сухопутных войск радиосвязью, «громоздкость» танковых корпусов (1000 машин) и т.д. Подобные обстоятельства говорят о том, что предположение Суворова недостаточно обосновано. Превентивный удар РККА по нацистской Германии действительно мог быть нанесен, но качество советских вооруженных сил вряд ли позволило бы добиться столь ошеломляющего успеха над вермахтом, о котором писал В. Суворов.

В-четвертых, опора исключительно на собственные оценки, ментальность ученого. Так, У. Черчилль²⁵ предполагал, что в случае победы при Геттисберге в 1863 г. командовавший в данном сражении армией Конфедерации южных штатов генерал Р. Ли отменил бы рабство. Но подобное решение являлось политическим, а в силу этого не могло быть принято военачальником. Черчилль,

²⁵ If or History Rewritten. N. Y.: Harper and Row, Publishers, 1931.

прекрасно знавший истинное положение дел, проигнорировал данное обстоятельство, видимо потому, что сам считал институт рабства вредным в экономическом, моральном отношениях. Значит, при реконструкции данной альтернативы прошлого он привнес в анализ собственные взгляды, оценки.

Используя данные критерии разделения предположений на реально возможные и ирреальные, можно, еще на ранних стадиях КФИ, выявить степень научности выдвинутых предположений, абстрагироваться от совершенно фантастических гипотез.

Таким образом, в рамках Альтернативной истории осуществляется формирование альтернатив прошлого, которое проходит следующие этапы: 1) их возникновение на основе конструкции «если бы»; 2) конкретизация на персоналистском и событийном уровнях; 3) выдвижение предположений на базе выделенных нами методов; 4) разделение альтернатив прошлого на ирреальные (фантастические) и реально возможные.

По моему мнению, на основе контрфактических гипотез должен строиться сценарий, т.е. описание потенциального прошлого, позволяющий увидеть конкретные проявления какой-либо гипотезы. Мной выделены следующие структурные элементы исходного сценария: а) **цель** (исходный тезис); б) **параметры** – базовые основания, на которых строится сценарий; в) **условия**, раскрывающие конкретные формы реализации параметров; г) собственно **описание** (картина) потенциального прошлого; д) **вывод** из сценария, подтверждающий (или опровергающий) исходный тезис. В таком виде он присутствует еще у Тита Ливия при описании гипотетической войны Александра Македонского и Римской империи²⁶.

В XIX в. К.Клаузевиц²⁷ добавил сюда правила создания сценариев, а Бестужев-Лада предложил считать их виртуальными. Выделение структуры сценариев позволяет перейти к следующему этапу контрфактических исследований: их проверке. Сделать это, на мой взгляд, должна Экспериментальная история.

²⁶ Тит Ливий. История Рима от основания Города. В 3 т. Т.1. М.: Ладомир, 2002. С. 517–522.

²⁷ Клаузевиц К. О войне. М.: Логос, 1997. С. 161–164.

Первый способ проверки – **поиск аналогии между сценарием и действительностью**. В соответствии с ним, контрфактический сценарий считается истинным, если имеет аналог в прошлом. Важный аргумент в пользу этого способа состоит в том, что проводимая проверка должна опираться на историческую реальность. Отсюда можно сделать обоснованный вывод: если описанная в сценарии ситуация когда-либо ранее уже осуществлялась в действительности, то он – верен. Если нет, то – ложен. Вот как применяет данный метод П. Вен: «поскольку мы знаем, что за поколение до Спартака, во время великого восстания рабов на Сицилии восставшие избрали себе столицу и царя, мы можем полагать, что, если бы Спартак победил, он бы основал еще одно италийское эллинистическое царство, где наверняка существовало бы рабство, как и повсюду в ту эпоху»²⁸. Здесь проверка проводится по аналогии с действительностью. На этой основе делается обоснованное предположение, доказывающее достоверность сценария.

При совершении данной процедуры важно, как отмечал М. Будыко, отделять более вероятные последствия неосуществившихся событий от «значительно менее вероятных, хотя и возможных их результатов»²⁹. Соответственно, экстраполяция известного прошлого на неизвестное (в том числе и методом аналогии) должна осуществляться в ограниченном временном диапазоне. Например, как считает Будыко, нельзя, «не вступая на путь малообоснованных догадок» рассуждать, «как изменилась бы история Европы на протяжении тысячелетий после смерти Александра Македонского» (позиция А. Тойнби в эссе «Если бы Александр не умер тогда...»), но можно мысленно продлить жизнь этому государственному деятелю на 10 лет³⁰.

Однако сценарии альтернатив прошлого, проверяемые путем «экстраполяции по аналогии», имеют ряд недостатков. Во-первых, учитывают преимущественно внешнее сходство, количественные характеристики объектов. Во-вторых, часто носят субъективный, политизированный характер. Выступают,

²⁸ Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. С. 182-183.

²⁹ Будыко М.И. Эпизоды истории: Очерки. СПб: Наука, 2001. С. 97.

³⁰ Там же. С. 100.

как отмечал Г.Малинецкий, средством «идеологической борьбы»³¹, т.е. экстраполяции на исторический процесс личных представлений отдельных ученых, публицистов. Такую «познавательную» ситуацию следует преодолеть: дополнив этот метод проверки сценариев другим.

Второй способ проверки – **выдвижение аргументов, доказывающих истинность сценария**. Его суть: сценарий является правильным, если он создается на базе теоретических положений и подтверждается примерами из действительной исторической практики. Так, знаменитый немецкий военный историк, теоретик начала XIX столетия К. Клаузевиц приводил следующие аргументы в защиту своего тезиса о том, что в кампании 1814 г. Наполеон мог победить войска союзников, если бы преследовал прусскую армию Блюхера.

1. *Теоретический*. Наполеон добился бы успеха, потому что «выгоднее наносить удары в одном направлении, чем перебрасывать свои силы с места на место»³². История знает немало примеров, когда полководцы, которые концентрировали в одном месте свои войска для удара по противнику, практически всегда одерживали победы.

2. *Количественный*. Этот аргумент состоит в следующем: потери в предшествующих боях привели к тому, что по численности войска пруссаков существенно уступали французам. Более того, на пути к Рейну Блюхер не имел возможности пополнить их резервами или получить подкрепления³³. Эти примеры подтверждают, что пруссаки были бы разбиты, ибо, как правило, войска, численно уступающие противнику, оставшиеся без резервов, терпят поражение.

3. *Моральный фактор*. К. Клаузевиц считал, что прусская армия – главная «пружина» действий союзников. Блюхер и его войска составляли «центр тяжести, увлекающий все остальное во взятом им направлении»³⁴. Отсюда вытекало следующее, подкрепленное множественными примерами, положение:

³¹ Малинецкий Г.Г. Нелинейная динамика и «историческая механика» // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 101.

³² Клаузевиц К. Цит. соч. С. 167.

³³ Там же. С. 167–168.

³⁴ Там же. С. 167.

поражение прусской армии заставило бы покинуть Францию остальные силы союзников - англичан, русских, австрийцев.

4. *Психологический фактор*. Здесь аргумент К. Клаузевица выглядит следующим образом. «Никакой другой успех не выделился бы с такой яркостью, не предстал бы воображению в таком колоссальном очертании». При этом австрийский командующий Шварценберг (по мнению немецкого теоретика) – слабый, нерешительный командир испытал бы значительное психологическое потрясение. «Поражения, которые понес бы Блюхер на своем совершенно обособленном ... направлении от Марны до Рейна, докатывались бы до Шварценберга ... в виде снежной лавины слухов»³⁵. Это заставило бы австрийского военачальника неизбежно принять решение об отступлении.

Третий способ проверки контрфактических сценариев – **доказательство, что при создании контрфактического сценария не учтен какой-либо параметр**. Например, уже на стадии выдвижения предположения о возможности победы Наполеона в феврале 1814 г. К.Клаузевиц не обратил внимания на важнейший, по моему мнению, фактор: полное количество участвующих в боевых действиях сторон. Так, кроме французской и прусской, на этом военном театре находились английская, австрийская, русская армии. Совокупное число их солдат почти в пять раз превышало силы Наполеона и его полководцев: 230 тысяч против 47 тысяч.

Четвертый способ проверки сценариев – **построение нового, альтернативного исходному сценария**. Например, можно смоделировать, как развивались бы события с учетом не рассмотренного К. Клаузевицем параметра, если бы Наполеон совершил действия, которые ему постфактум предлагал немецкий теоретик³⁶.

В результате последовательно применяемой методологии, КФИ из группы разрозненных направлений превращаются в познавательную систему. В

³⁵ Там же. С. 168.

³⁶ Нехамкин В.А. Контрфактическое историческое моделирование К. Клаузевица: теоретико-методологический аспект // Вопросы философии. 2006. № 6. С.114-115.

Альтернативной истории выдвигаются гипотезы, в Виртуальной – на их основе строятся сценарии, в Экспериментальной – осуществляется их проверка.

Такая система выполняет ряд функций. Первая функция – **прагматическая**. Она реализуется как в исторической науке, так и в философии истории. Это предполагает, что в рамках проводимых исследований имеет место извлечение из анализа прошлого полезной информации («уроков») в интересах настоящего.

В свою очередь, данная функция реализуется посредством компаративистской и коррекционной подфункции. В рамках первой сопоставляются сходные исторические ситуации, что и дает возможность извлекать полезную информацию. Например, на практике десантные операции на Британские острова (готовившиеся Испанией в 1588 г.; Францией в 1804–1805 гг.; Германией в 1940 г.) не были реализованы. Их контрфактический анализ позволяет выявить общие причины неудач, повторяющиеся ошибки военачальников в ходе планирования боевых действий.

Коррекционная подфункция означает, что полученная в ходе контрфактических исследований информация позволяет изменять в лучшую сторону действия людей в настоящем.

Вторая функция – **методологическая**. Она определяется тем, что контрфактические исследования, существенно отличающиеся от традиционного исторического познания, имеют собственные методы. Их использование позволяет выявить ранее неизвестные причины осуществления каких-либо реальных исторических событий, или моделировать влияние возможных в прошлом событий на ход исторического процесса. Методологическая функция реализуется посредством каузальной подфункции. Наличие последней позволяет, например, доказать, что приход к власти в России в 1825 г. участников движения «декабристов», оказал бы важное позитивное влияние на последующую историю России³⁷.

³⁷ Нехамкин, В.А., Нехамкин, А.Н. Если бы победили декабристы...// Вестник РАН. 2006. № 9. С. 805-812.

Следующая подфункция – **прогностическая**. Так, разработанные в рамках контрфактических исследований средства познания дают возможность выявлять неосуществленные на практике варианты исторического развития, а также – описывать их содержание. Следовательно, речь идет о ретроспективном прогнозировании. Оно позволяет, например, выявить последствия того, что могло случиться: если бы Наполеон в 1804 г. с помощью пароходов высадил французские войска в Англии (С. Хук); если бы рабство в США сохранилось до 1890 г. (Р. Фогель, С. Энгерман).

Третья функция – **мировоззренческая**. Она определяется тем, что полученная в контрфактических исследованиях информация влияет на взгляды, мнения, суждения и т.д. людей, приводит к их изменению. При этом данная функция реализуется в двух подфункциях: оценочной (аксиологической) и инновационной. Первая позволяет уточнять устоявшиеся суждения о прошлом. Так, многие западные историки считали, что железные дороги сыграли ведущую роль в экономическом развитии США XIX в. Однако, в связи с новыми данными, добытыми в рамках контрфактического анализа Р. Фогеля, такое положение оказалось существенно скорректированным.

Кроме того, на основе мировоззренческой, реализуется и другая подфункция – инновационная, позволяющая поучить новую информацию об историческом процессе. Р. Фогель, построив математическую модель, исходящую из отсутствия данного вида транспорта в этот период, показал, что железные дороги не оказывали такого влияния на развитие экономики США, как утверждалось учеными ранее. Тем самым была получена новая полезная информация о прошлом.

В целом система функций КФИ находит отражение в таблице № 2.

Функции	1	2	3
Базо-	прагматическая	методо-	мировоз-

вые	(утилитарная)	логическая	зренческая
Про- изводные (подфунк- ции)	компаративистская; коррекционная	каузаль- ная; прогно- стическая	оценочная; инновацион- ная

Итак, контрфактические исторические исследования, объединяющие Альтернативную, Виртуальную, Экспериментальную истории, являются познавательной системой. Ее основания: 1) альтернативность (как универсальный объект анализа); 2) функциональная специализация; 3) универсальные функции (прагматическая, методологическая, мировоззренческая).

Глава 2. Источники по Альтернативной истории и их методологическое значение³⁸

В современном научном познании важное место начинает занимать контрфактическое моделирование прошлого (КФМ). Это – междисциплинарное направление познания, в рамках которого изучается потенциальное прошлое (или прошлое, которое могло бы быть). КФМ осуществляется в форме КФИ (контрфактических исторических исследований). В указанном смысле (по предмету) КФМ противоположно традиционной истории (исторической науке), изучающей реальное прошлое (прошлое, как «оно было на самом деле»). КФМ (в лице КФИ) включает ряд направлений: альтернативную историю, виртуальную историю, экспериментальную историю, криптоисторию и т.д. Постепенно (подчас методом проб и ошибок) формируется их методология. Поскольку категория «КФМ прошлого» наиболее полно отражает суть подобных исследований (независимо от конкретного направления), постольку автор считает указанный термин приемлемым для использования в науке. Однако учитывая, что среди части научного сообщества и на уровне обыденного познания (массового сознания) распространено понятие «альтернативная история» (АИ), целесообразно в данной работе применять его как синоним КФМ прошлого (и КФИ).

Вопрос о том, в состоянии ли ученый добраться до истины, когда сходит с твердой почвы исторических фактов в зыбкое «болото» исторических предположений на тему «что было бы, если?» – не праздный. Он не один раз ставился историками, философами, иными специалистами, породил порой диаметрально противоположные ответы. От попыток объявить подобные гипотезы, вытекающие из них рассуждения, сценарии не реализовавшегося прошлого, антинаучными, ибо им ничего не соответствует в действительности (знаменитый тезис «в истории нет сослагательного наклонения») до обоснования положения

³⁸Глава 2 написана на основе статьи: Нехамкин В.А. Источники по Альтернативной истории и их методологическое значение // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № 2 (56). DOI 10.18254/S0001696-4-1.

об их высоком эвристическом потенциале за пределами исторической науки: в философии истории (позиция И.В. Бестужева-Лады), художественной литературе³⁹ или где-то еще.

Не желая и далее вдаваться в дискуссию о научности КФМ/АИ (авторское мнение о которой будет подробно освещено в главе 4), сосредоточусь на одном из мало исследованных вопросов. Важным аргументом в пользу не научности данного моделирования выступает тезис о том, что оно якобы не находит отражение в источниках. Ведь еще Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобос более 100 лет назад утверждали: «История пишется по документам... Всякая мысль и... поступок, не оставивший следа или след которого исчез, навсегда потерян для истории... Ничто не может заменить документов, нет их, нет и истории»⁴⁰. Существует даже вспомогательная историческая дисциплина – источниковедение – занятая изучением документов, которые поступают в распоряжение исторической науки: классификацией, проверкой подлинности и т.д. Ими могут быть летописи, хроники, юридические акты (своды законов и т.д.), надписи на различных предметах, газеты, брошюры, мемуары, личные дневники каких-либо лиц, независимо от их общественного статуса и т.д. Значит, главный источник исторической науки, на основе которого она устанавливает факты, – разнообразные по видам письменные документы.

Однако, как верно отмечает А.И. Мартынов, «когда речь идет о древности (особенно – периода первобытности–В.Н.) и средневековье, то письменных источников всегда недостаточно, и во многих случаях по ним бывает трудно восстановить ход событий»⁴¹. Тогда в работу включается особая историческая дисциплина – археология. Она на базе специфической методологии изучает источники другого рода, названные Э. Бернгеймом «остатки»⁴², т.е. материальные

³⁹Полищук О.Л. Классификация альтисторических произведений в новейшем литературном процессе // Молодой ученый. 2015. № 2 (5). С. 95-99.

⁴⁰Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб: Образовательная библиотека, 1899. С. 13.

⁴¹Мартынов А.И. Археология. М.: Высшая школа, 1996. С. 8.

⁴²Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб: Изд-во «Вестника знания» (В.В.Битнера), 1908.

предметы, доставшиеся ученым от прошлого (фрагменты строений, бытовая утварь, захоронения и т.д.).

Источниковедение и археология дополняют друг друга, позволяют увидеть прошлое с позиций как письменных документов, так и отражающих его материальных артефактов.

АИ, как кажется ее оппонентам, совершенно не «повезло» в этом плане. Вы и правда не найдете при всем желании аутентичного документа, где описывалась бы жизнь Александра Македонского после 323 г. до н.э. (его смерти) или функционирование нацистского Третьего Рейха после 1945 г. Однако это не означает, что у АИ совсем нет источников. Они просто **ДРУГИЕ** по сравнению с исторической наукой. Носят **вторичный** по отношению к исходному историческому материалу характер. В данной главе предпринята попытка классификации и краткой характеристики содержания каждого письменного источника АИ.

Подобно любой дисциплине, связанной с историческим познанием, АИ имеет источники, на которые опираются как ученые, так и обычные люди, желающие узнать информацию о прошлом на тему «что было бы, если?». В целом главным основанием АИ выступает реальное прошлое, изменяемое в познавательных или иных (развлекательных, этических, эстетических, политических, прагматических и т.д.) целях. Схема познания здесь видится следующей. Например, сначала идет факт (зафиксированный исторической наукой): морское сражение при острове Саламин состоялось в 480 г. до н.э. между греками (эллинами) и персами, а в его итоге первые под командованием Фемистокла одержали решительную победу. Теперь с подобной информацией начинает работать АИ (с помощью методов выдвижения альтернативных гипотез, сформулированных в главе 1). Например, заменяет результат битвы на противоположный реальному (успех персов), меняет командующего греков (на иного военачальника), выявляет последствия отсутствия данного события в указанный период, переносит его во времени (в 479 г. до н.э.) и т.д. Другой пример возьмем из истории США XIX в. Рабство как фактор экономической жизни страны пе-

рестало действовать в 1863 г. (после его отмены президентом А. Линкольном) и полностью завершилось после победы Севера в Гражданской войне. Однако в АИ можно (вследствие допущения серии благоприятных исторических событий) осуществить продление действия указанного института (как фактора экономической жизни США) до 1889 г., что делали Р. Фогель, С. Эгерманн. Опять-таки исторический факт и здесь мысленно изменяется. Следовательно, в рамках АИ ученый (или обычный человек) меняет ход реального прошлого на личном (бытовом или историческом), событийном, факторном⁴³ уровнях для решения определенных практических или познавательных задач.

Однако кроме общего источника – исторического прошлого (информация о котором берется из соответствующей науки) – АИ имеет и ряд специфических. Начнем с наиболее распространенного из них – **антологий**. Это – индивидуальные или коллективные монографии, в которых дается подробное описание ряда альтернативных вариантов прошлого. Участники антологий разнообразны по профессиональным занятиям. Кроме чисто ученых, представителей подчас разных дисциплин (не только историков), данный тип работ по АИ, иногда (особенно на Западе) привлекает писателей, журналистов, не имеющих прямого отношения к научному сообществу.

Каждое описание из такой работы представляет собой самостоятельный рассказ о каком-либо альтернативном эпизоде прошлого, лишь опосредованно связанный с предыдущим. (Например, в антологии В. Лещенко «Ветвящееся время. История, которой не было»⁴⁴ вслед за главой «Победоносная армада» о событиях англо-испанской войны 1588 г. происходит «прыжок» на сто лет вперед в Россию в главе «Императрица Софья»). По сути дела, антологии выступают «трибуной», где по тематике АИ на эмпирическом уровне может выска-

⁴³ Хотя факторный уровень выдвижения альтернативных исторических гипотез пока недостаточно разработан. Очевидно, что здесь присутствуют общие для иных уровней КФИ/АИ методы (удаление реального фактора и введение в историческую ситуацию нового фактора), но полный их «список» пока не разработан учеными. В исследовании Р. Фогеля, С. Эгерманна американское рабство может (в зависимости от целей контрфактического анализа) изучаться либо как историческое событие (ибо таковым выступало его фактическое введение с момента европейской колонизации континента в XVI в. и отмена в 1863 г. в США), либо как социальный институт (т.е. исторический фактор).

⁴⁴ Лещенко В. Ветвящееся время. История, которой не было. М.: АСТ, 2003.

заться любой желающий, независимо от его профессиональной принадлежности, уровня образования, мировоззрения, политических взглядов и т.д. Такова общая характеристика, объединяющая различные антологии по АИ.

Далее начинаются различия. Одни антологии объединены какой-либо общей тематикой. Например, работа под редакцией Д.Норта «Наполеоновские войны. Что если?» включает подробные описания (составленные коллективом авторов) содержания ряда альтернатив, которые могли реализоваться в 1798 – 1815 гг. Другие – касаются уже не одного эпизода, а истории человечества в целом (скажем, военной). Сюда относится работа «Альтернативная история. Что если?» под ред. Р.Коули (русс. перевод – 2002 г.).

Следует отметить и другую методологическую черту антологий как источника АИ. Подчас они создаются без привязки к конкретному историческому сюжету (теме), стране, разделу исторического познания. По желанию автора им произвольно отбираются интересующие его «узловые» личности, события, факторы прошлого, альтернативу которым он описывает. Пример – работа В.Лещенко «Ветвящееся время. История, которой не было». Здесь рассматриваются под «одной обложкой» последствия самых разных эпизодов прошлого: более долгой (чем в реальности) жизни Александра Македонского, тотальной исламизации Европы в начале средних веков, победы испанской Великой Армады над английским флотом, царицы Софьи – в борьбе с братом Петром за Московский трон в 1680-е гг., успеха восстания декабристов 1825 г., история Франции второй половины XX в. без «второго пришествия» к власти в стране генерала Ш. де Голля. И хотя многие из 23 описанных сценариев касаются прошлого России, сказать, что эта тема доминирует в антологии В. Лещенко, нельзя. В подобном ключе выдержана и работа В. Поликарпова «Если бы... Исторические гипотезы» (1996 г.).

С позиции похожего «произвольного» подхода составлена и вышедшая в 30-е гг. XX в. в США антология «Если бы, или Переписанная история»⁴⁵. Один ее автор – Николсон – рассматривал возможный вариант, при котором бы коро-

⁴⁵If or History Rewritten. N.Y.: Harper and Row, Publishers, 1931.

лем Греции стал лорд Байрон. Другой – Беллок – изучал потенциальные последствия подавления французской революции в 1793 г. в случае удачного побега из Парижа короля Людовика XVI. Указанная антология интересна тем, что в ней «отметился» находившийся тогда в отставке будущий премьер-министр Великобритании в 1940-1945 гг., приведший страну к победе во Второй Мировой войне, У.Черчилль. Его интересовало влияние возможной победы командующего войсками Конфедерации южных штатов генерала Р.Ли в сражении при Геттисберге (1863 г.) на сохранение США как государства.

Помимо тематики, интересна и другая методологическая особенность антологий: их распределение по разделам исторического познания. Значительная доля подобных работ относится к военной истории. Только на Западе (из переведенных в РФ) и посвященных Второй Мировой войне и последующему противостоянию СССР – США вышли следующие работы: «Упущенные возможности Гитлера» (ред. – К. Макси, русс. пер., 2001 г.); «Победа Восходящего Солнца» (ред. – П. Цурас, русс. пер. 2004 г.); «Победы Третьего Рейха: альтернативная история Второй мировой войны» (ред. – П. Цурас, русс. пер., 2005 г.); «Пламя «холодной войны». Победы, которых не было» (ред. – П. Цурас, русс. пер. 2004 г.). Кроме ученых, составителями универсальных антологий по альтернативной военной истории выступают и журналисты. Скажем, в 2000 г. на русский язык переведена антология Э. Дуршмида «Победы, которых могло не быть».

Чаще всего антология – коллективный труд, в котором есть научный редактор, стремящийся, подобно Р.Коули, добиться «правдоподобия» описаний потенциального прошлого с позиции исторической науки. Однако это – все-таки не монография, где все участники должны придерживаться строго научной методологии. Поэтому некоторые даже из редакторов антологий позволяют себе отдельные фантазии над историческим прошлым, где субъективные представления берут верх над правдоподобием. Рассмотрим антологию «Пламя «холодной войны». Победы, которых не было». Ее редактор П. Дж. Цурас, руководитель одного американского военно-исторического центра, создал аль-

тернативный сценарий, исходя из тезиса «советская система навязала народу укоренившуюся «склонность к пьянству». Отсюда он предложил оригинальный альтернативный вариант разложения Советской Армии в Западной Европе 1989 г. путем ...«бомбардировки» американцами расположения войск противника контейнерами с водкой. Далее следует издевательский вывод: «Наклейки на русском языке (на бутылках–В.Н.) вызвали у советских военнослужащих мгновенный рефлекс, и они, отбросив всякие сомнения, приступали к решительным действиям», несмотря на предостережения офицеров». «Атака» принесла отличные «результаты»: «Советские «дивизии первого эшелона, – констатирует Цурас, – застряли намертво. Точнее, ...напились вусмерть»⁴⁶. Ничего, кроме личных пристрастий Цураса, его презрения к советским людям и поверхностного знания реалий СССР, такой альтернативный «сценарий» не отражает. Он не «красит» Цураса и как ученого, и как редактора антологии, и как человека-современника описываемых событий, прекрасно знавшего лживость подобной посылки (о «повальном» пьянстве в Западной группе войск, расположенной на территории ГДР).

Проявляются в западных антологиях и иные национальные (политические) стереотипы, хотя и выраженные в менее оскорбительной форме по отношению к России, чем у Цураса. Рассмотрим другую работу под редакцией опять-таки П. Цураса «Победы Третьего Рейха. Альтернативы Второй Мировой войны». Но на сей раз главным «антигероем» стал ее «рядовой» автор – Ф.Линдси, рассуждающий вроде бы правдоподобно. Рассматривая ситуацию, которая могла сложиться, если бы у нацистской Германии в 1944 г. появилось ядерное оружие и средство его доставки в лице реактивного самолета, он правильно предполагает, что удары немцами были бы нанесены по столицам противников Третьего Рейха – Лондону, Москве, что привело бы к массовой гибели гражданских лиц. (Хотя, учитывая мощь противовоздушной обороны Москвы, степень защиты ее центральных районов с помощью не только сил ПВО, но и уровня маскировки

⁴⁶Цурас П.Дж. Операция «Красная молния» // Пламя «холодной войны». Операции, которых не было. Под общ. ред. П. Цураса. М.: АСТ, 2004.С. 427; 425; 429.

объектов к 1944 г., вряд ли немецкой авиации, даже реактивной, удалось бы без потерь добраться до цели, успешно выполнить задание. Отсюда предположение Линдси – «немецкая бомба была взорвана точно над Кремлем»⁴⁷ – относится к области крайне маловероятных).

При последующем построении сценария Ф. Линдси сказались, на мой взгляд, ряд необоснованных (тенденциозных) предположений западной историографии о СССР 1941–1945 гг. И.В. Сталин представляется диктатором, который не жалел человеческих жизней. Так, он запретил массовую эвакуацию гражданского населения Сталинграда летом 1942 г., что привело к гибели значительной части гражданских лиц в ходе массированного авиационного налета немцев в августе, последующих боевых действий в городских кварталах. Однако в данных условиях решение оказывается жестоким, но оправданным (быстрый уход значительной части мирного населения мог привести к панике, отрицательно сказаться на моральной устойчивости оборонявших город войск, ослабить работу крупных оборонных предприятий города). Западные же ученые превращают отдельные случаи в догму, своеобразный закон: И.В. Сталин ни при каких условиях не разрешил бы массовую эвакуацию.

К сожалению, при последующем анализе в отношении СССР у Ф. Линдси срабатывают старые предрассудки о «жестоким диктаторе». «Сталин, – пишет Ф. Линдси, – отдал приказ, чтобы жители Москвы не покидали город, он даже велел НКВД расстреливать тех, кто хотел бежать отсюда. Ко времени взрыва бомбы в Москве находилось гораздо больше жителей, чем это было необходимо... Число жертв было огромным... После взрыва бомбы куда-то исчезли Сталин и большая часть Политбюро»⁴⁸. (По логике Линдси, «упрямый» Сталин подставил, видимо, под ядерный удар немцев и себя самого!). Москвичам помочь справиться с бедой длительный период (до прихода к власти маршала Г.К. Жукова) оказалось некому. (Опять-таки согласиться с предложенным сценарием нельзя. Линдси, на мой взгляд, намеренно, «забывает», что у данной гипоте-

⁴⁷Победы Третьего Рейха. Альтернативы Второй Мировой войны. Под общ. ред. П.Цуруса. М.: АСТ, 2005. С. 319.

⁴⁸Там же. С. 321.

тической ситуации имелся аналог. Осенью 1941 г. ряд правительственных учреждений, значительная часть гражданского населения при угрозе столице со стороны вермахта отправились на Восток. При опасности ядерной бомбардировки Москвы государственный аппарат, население, предприятия не требовалось перебрасывать за сотни километров в Куйбышев, на Урал, как тремя годами ранее. Учитывая малую мощность ядерных зарядов того периода, для эвакуации столицы подошла бы и Московская область. Так что тезис Ф. Линдси в данном пункте не обоснован. И.В. Сталин принимал решение об эвакуации в соответствии с ее военно-политической целесообразностью, а не исходя из раз и навсегда принятой догмы).

В Великобритании, согласно альтернативному сценарию Ф. Линдси, наблюдается противоположная, чем в СССР, картина. У Черчилля, значительная часть политического руководства уцелели после ядерного удара, как и «средства обеспечения контроля и управления»⁴⁹. Власти активно помогают пострадавшим лондонцам.

Вывод из изложенного очевиден. У Ф. Линдси налицо набор предрассудков западного ученого относительно СССР, личности И.В. Сталина, даже прямые попытки скорректировать альтернативную историю в пользу социально «близкой» системы (при чрезвычайных обстоятельствах в тоталитарном обществе, лишенном диктатора, обязательно возникнет хаос, в демократическом – нет). Подобных примеров в указанной и иных антологиях западных ученых немало⁵⁰.

Однако, несмотря на допускаемые авторами антологий «вольности», некорректные суждения и обобщения (имеющиеся и у российских исследователей)⁵¹ в обращении с научной истиной, их сценарии, методологические ошибки,

⁴⁹ Там же. С. 320.

⁵⁰ Анализ указанных антологий проведен в работе. Нехамкин В.А. Альтернативная история: в поисках уроков из прошлого (философский анализ) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 8 (1). С. 38-45.

⁵¹ См., например, анализ антологии В. Лещенко с научных позиций в работе: Харитонович Д.Э. Что такое альтернативная история и кому она нужна?// Искусство кино. 2003. № 1. С. 56-59.

личные и коллективные (групповые) пристрастия полезны, ибо демонстрируют границы АИ, недостатки познания в ее рамках.

Следует отметить, что в отношении антологий (по крайней мере, западных) в России возникла поучительная традиция их «комментированного чтения» (немало на этом пути потрудились С.Б. Переслегин, В.Гончаров и иные авторы). Переводчики и научные редакторы дают соответствующие сноски к тексту, где раскрывают совершенные авторами антологий ошибки, предлагают научно обоснованные (с их позиций) оценки степени адекватности сценариев реальности, дают собственные сценарии и критические разборы представленных материалов в приложениях к сборникам. Тем самым у читателя (независимо от уровня его исторического и гуманитарного образования) появляется возможность сопоставлять различные точки зрения, видеть ошибки, неточности, «учиться» на них собственным «правильным» рассуждениям на тему «что было бы, если?» Такому адаптированному чтению подвергнуты следующие антологии: «Упущенные возможности Гитлера»; «Победы, которых могло не быть»; «Альтернативная история. Что если?»; «Наполеоновские войны. Что если?» и др.

В целом антологии как источник АИ отличаются разнообразием по ряду критериев: 1) составу участников (от ученых до представителей иных профессий – журналистов и др.); 2) охвату прошлого (от универсальных, касающихся истории человечества в целом до локальных, относящихся к отдельным эпизодам); 3) моделируемым ситуациям; 4) разделам исторического познания и др.

Другим важным источником АИ выступает, как это не покажется странным, **художественная литература**. Здесь, как и в антологиях, даются описания потенциального прошлого, которое могло бы быть. Однако в романах, повестях, рассказах, где затрагивается тема АИ, видна следующая тенденция: доля субъективности автора заметно выше, чем в антологиях, ибо на него не налагаются ограничения, требуемые наукой. Яркий пример – вышедший в 1836 г. роман Л.Н. Жиффруа-Шато «Наполеон и завоевание мира, 1812–1823: история всемирной монархии», где «создан фантастический мир, наступивший после

поражения русских в 1812 году, завоевания мира, установления нового мирового порядка и, естественно, наступления прогресса»⁵². Именно с него Д.Норт и предлагает начать «отсчет» формирования АИ.

Казалось бы, если подойти к вопросу строго с методологических позиций, для серьезного ученого нет смысла обращаться к художественной литературе как источнику АИ не только из-за субъективности авторов. У писателя есть полная свобода творчества, ибо он не связан с наукой. Здесь можно согласиться с Л. Стоуном: «автор исторического романа (или другого литературного произведения – В.Н.) с помощью воображения создает свой материал»⁵³. Однако не стоит торопиться с выводами. Писатели имеют возможность заглянуть туда, куда «вход» ученому-историку или иному профессионалу подчас закрыт.

Характерный пример – проблема т.н. «попаданцев»⁵⁴, т.е. людей, чья фантазия писателя перемещает в прошлое и которые могут его изменять, порождая собственными действиями новые варианты минувшего. Для серьезного ученого (пока нет соответствующей техники «перемещения во времени») такой прием просто закрыт. Писатель же может пренебречь запретом, создать описание потенциального исторического состояния при подобном допущении, что дает определенное приращение знания (не избавляя его опять-таки от субъективности). Фактически, писатели реализуют один из методов выдвижения альтернативных исторических гипотез, противоречащий и предмету исторической науки, и здравому смыслу (ибо пока в реальности люди в прошлое не перемещаются). В итоге работы с таким специфическим источником ими накоплен определенный материал.

Интересно отметить, что со временем «средства» перехода попаданцев из настоящего в прошлое «совершенствуются». Так, главный герой опубликованной на Западе в начале XX в. повести М. Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» просто в бессознательном состоянии переносится из

⁵² Норт Д. Наполеоновские войны. Что, если? М.– СПб: АСТ, 2002. С. 10.

⁵³ Стоун Л. Будущее истории // THESIS. 1994. № 4. С. 169.

⁵⁴ См.: Лобин А.М. К вопросу о типологии беллетристики: жанровая модель современного историко-фантастического романа // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2010. № 3. С. 95–102.

США XIX в. в Англию VI в. Видимо, почти по формуле из знаменитого советского художественного фильма 1968 г. «Бриллиантовая рука»: «Шел (лез на высокое дерево, получил сильный удар по голове и т.п.), упал, очнулся... в прошлом». В конце же XX столетия писатели обставляли данный «маневр» более сложным образом. Например, герои романа В.Д. Звягинцева «Одиссей покидает Итаку», оказавшиеся участниками борьбы на Земле иных галактических цивилизаций («форзелей» и «агров»), получают с помощью технологий могущественных «союзников» возможность переместить свою личность, знания («психоматрицы») в тела двух персонажей мая 1941 г. – И.В.Сталина и военного, командарма Маркова. Затем действия героев позволили предотвратить негативный для СССР сценарий начала Великой Отечественной войны. У современного писателя М. Ланцова дело обходится и того проще. Герой его романа маршал Н.В. Агарков (прототип реального лица, советского военачальника 1970-1980-х гг. Н.В. Огаркова) умирает в конце 1993 г., чтобы тут же ...возродиться в теле другого маршала – М.Н. Тухачевского в 1935 г. Объяснение «перехода» такое: «Солдаты не уходят с войны даже после своей смерти. Они ...никогда не успокаиваются. И Вселенная иногда идет навстречу таким душам, давая им второй шанс. Пусть и в несколько извращенной форме»⁵⁵.

Впрочем, варианты проникновения различных деятелей из настоящего в прошлое (как и их количество), разрабатываемые в художественной литературе, постоянно видоизменяются (ибо опираются на возрастающие возможности науки).

Отметим же сегодня следующую особенность разработки АИ в художественной литературе «попаданческого» типа. Она носит преимущественно позитивный характер. Герой (или их группа) стремятся сделать прошлое «лучше» (как кажется автору), чем оно было на самом деле. Если М. Твену не нравилась «темнота» ранних средних веков, то «свет» туда приносит (хоть и на короткое время) Янки из «будущих» США. Не меньше книг описывают варианты удачного начала Великой Отечественной войны для СССР с участием «попадан-

⁵⁵Ланцов М.Л. Маршал Советского Союза. М.: Яуза, ЭКСМО, 2014. С. 13.

цев». Если В.Д.Звягинцева в 1984–1987 гг. не удовлетворяют тяжелые поражения Красной Армии летом 1941 г., то герои его романа «Одиссей покидает Итаку» предотвращают такой сценарий переходом на жесткую оборону, упреждением вермахта. Конечно, деятельность маршала Агаркова-Тухачевского тоже достигает подобной цели, но позитивные изменения в «пользу» СССР происходят уже в длительном временном промежутке: с 1936 по 1941 гг. Особенно популярна ныне тема проникновения «попаданцев» в историю России конца XIX – начала XX вв., задача которых – «реформами сверху» недопустить революции 1917 г.⁵⁶ Следовательно, у «попаданцев» временной диапазон погружения в прошлое от начала негативного события до момента его предотвращения увеличивается, что говорит в позитивную сторону о разработчиках альтернативных сценариев, делающих поправку на историческую динамику, ее инерционность.

Перемещение человека в прошлое – наиболее популярное направление адаптации АИ к «простым людям», массовому сознанию. Не случайно о приключениях, например, российских «попаданцев» снимают кинокартины (из последних – фильмы «Убить Дрозда», «Туман», «Мы из будущего»).

«Попаданцам», как правило, сопутствует удача. Подобная установка авторов художественных произведений понятна, логична: стоит ли посылать человека в прошлое из настоящего, если он со своими знаниями там ничего сделать не может? Вместе с тем желание найти выигрышные варианты в любой ранее сыгранной исторической «шахматной партии» в позитивную сторону отличает такую АИ от научной.

Впрочем, сводить любые художественные сюжеты на тему АИ к «попаданчеству» тоже нет оснований: некоторые романы, повести и т.д. просто описывают приключения главных героев в уже существующей альтернативной исторической реальности, что тоже интересно читателю и порой полезно ученому. В качестве примера сошлемся на романы Р. Харриса «Фатерланд»; А. Ав-

⁵⁶Пример – роман А.М. Махрова, Б.М. Орлова «Царствуй на страх врагам! «Прогрессор» на престоле. М.: Яуза: ЭКСМО, 2012.

раменко, Б. Орлова, А. Кошелева «Смело мы в бой пойдем...»; О. Герантиси «На чужой территории» и другие аналогичные работы.

Остановимся на еще одной (кроме использования несуществующих технологий перемещения во времени и оптимизма) характеристике художественного варианта АИ. Это – стремление браться за темы, находящиеся под запретом для ученых в силу их профессиональных предпочтений. Например, в России XVII – XVIII вв. официально (советской наукой) признано наличие четырех Крестьянских войн под руководством И.И. Болотникова (1606–1607), С.Т. Разина (1670–1671), К.А.Булавина (1707–1708), Е.И. Пугачева (1773–1775). Они закончились (в силу ряда причин) поражением восставших. (Это касается и выступления Болотникова, предпринятого в момент слабости государства в начале Смутного времени, осаждавшего Москву, иные «повстанцы» не смогли даже выйти за пределы Волги, дойти до столицы). Недостатки восставших воспроизводились в каждом выступлении, что вело к закономерному краху движение. Поэтому историческая наука (даже в СССР, где такие выступления трактовались как яркие проявления «классовой борьбы» трудящихся против эксплуататоров) длительный период не испытывала особого интереса к изучению возможностей и последствий победы в российских Крестьянских войнах антиправительственных сил⁵⁷. Другое дело – художественная литература (особенно эмигрантская, «подогретая» событиями 1917 г. в России). В 1920 г. М.К. Первухин (покинувший Россию еще в 1907 г.) создает за границей роман с характерным названием: «Пугачев-победитель». Красной нитью через него проходит следующая мысль: государство существует, «покуда стерженек тонюсенький цел – государь. А стоит ему обломиться – и все разваливается»⁵⁸. Отсюда главное внимание при конструировании возможных вариантов российской истории 1773–1775 гг. автор уделяет роли двух личностей–Е.И. Пугачева и Екатерины II. Ее предполагаемая гибель из-за кораблекрушения в ходе вос-

⁵⁷Призыв к такому анализу прозвучал в работе С.В. Кудряшова, Д.И. Олейникова «Оккупированная Москва» (см.: Родина. 1995. № 5. С. 11), но остался нерализованным, ибо авторов интересовала тема последствий военного поражения СССР в 1941 г.

⁵⁸ Первухин М. К. Пугачев-победитель. Екатеринбург: АСТ, 1994. С.284.

стания ведет к краху государственной машины. Происходит «воцарение» Пугачева в Москве, развал государственной системы. Вернувшаяся вскоре на трон императрица так поводит итог произошедшему: «Этим диким людям удалось разорить почти всю империю, уничтожить богатства, накопленные многими поколениями, покрыть страну развалинами и усеять ее трупами. Просвещению нанесен серьезный удар. Казна опустошена. Промышленность почти убита, торговля полумертва»⁵⁹. Поэтому чудесное «спасение» государыни в конце романа – залог восстановления былой мощи России. Несмотря на определенный политизированный субъективизм, восприятие прошлого через призму настоящего, М.К. Первухин верно рассмотрел некоторые последствия альтернативного события – успеха восстания Е. Пугачева, которое мало интересует ученых.

Ряд интересных черт художественной литературы как источника специфического «моделирования» потенциального прошлого демонстрирует популярный роман В.П. Аксенова «Остров Крым». Сюжет книги – описание последнего года (197...) существования сохранившего независимость от большевиков в 1920 г. белого государства на территории Крымского полуострова. (В реальности Красная Армия захватила полуостров в ноябре 1920 г.). Часть его элиты во главе с возглавляемой главным героем В.П. Лучниковым партией «Союз общей судьбы» (СОС) хочет добровольно присоединить страну к СССР, но последнюю просто оккупирует Советская Армия. Обратимся к приемам реконструкции потенциального прошлого, используемым Аксеновым. Сначала требовалось изменить историческое событие и объяснить реальность такой трансформации. Писатель исходит из того, что «белые силы» отбились от красных в феврале 1920 г. благодаря активности одного из офицеров иностранной эскадры, нанесшей удар по наступающим корабельной артиллерией. Антанта якобы после этого гарантировала Крыму независимость своей поддержкой. Подобный аргумент сомнителен с точки зрения реальности. Силы «белого» генерала Я.А. Слащева (без иностранной помощи) действительно отбросили «красных» от Крыма зимой 1920 г. Но это не помешало им завершить успехом новое наступ-

⁵⁹ Там же. С. 488-489.

ление в ноябре 1920 г. через Перекоп. Дальше неправдоподобных допущений в таком сценарии становится еще больше. Аксенову требовалось объяснить, что случилось с «независимым Крымом» в годы Второй Мировой войны. Эту тему автор, пользуясь свободой художественного творчества, вообще обходит стороной. Из некоторых оговорок в романе ясно, что Крым остался «нейтральной стороной» в конфликте (что, на взгляд автора данной работы, исключалось его географическим положением и, скорее всего, привело бы полуостров в состав СССР пактом Молотова – Риббентропа 1939 г.). «Оккупация» же полуострова Советской Армией (которую в случае сопротивления вооруженные силы Крыма якобы могли легко разгромить из-за ее плохого качественного состояния) в 1970-е гг. рисуется Аксенову по образцу подавления Пражской весны 1968 г.

Вместе с тем книга В.П. Аксенова (как ни странно) возымела практическое действие, попав на благоприятную историческую почву (но с совсем иными акцентами, чем были актуальны для 1970-х гг.). Идею независимого от Украины Крымского государства (получившего обоснование в книге В.П. Аксенова) представители русскоязычного населения активно отстаивали после распада СССР как средство достижения другой политической цели: объединения с РФ. Российская армия (как правопреемница советских вооруженных сил) оставалась на полуострове по договору с Украиной даже после 1991 г. Наконец, появление в марте 2014 г. в городах Крыма российских военных («вежливых людей») может считаться своеобразным продолжением (реализацией) сюжета В.П. Аксенова на новый лад, в иных исторических условиях. Одинаковым осталось лишь одобрение действий Российской армии частью местного населения (происходившее и в романе), выразившееся в референдуме 2014 г. и неприятие данного события как «аннексии», недемократического акта Западом. Впрочем, сам В.П. Аксенов до реализации подобного «контрфактического вызова прошлого» так и не дожил (скончавшись в 2009 г.). История же решила сыграть своеобразную «шутку» и здесь. Первым главой Крыма как субъекта РФ стал

человек с фамилией ...Аксенов, которому пришлось неоднократно опровергать родство с писателем⁶⁰.

Частично реализовался на практике и альтернативный сюжет романа Э. Тополя «Завтра в России». Он (в 1989 г.) исходил из того, что антиперестроечные силы в СССР (представляющие элиту КПСС и КГБ в лице вымышленных персонажей Стрижа и Митрохина) захватят силой власть, нейтрализуют (арестуют) Президента СССР М.С. Горячева (прототип М.С. Горбачева), начнут массовые политические репрессии против несогласных с такой политикой. Реальность 1991 г. обернулась тремя «странными днями» в августе, когда появился высший руководящий орган отстранивших М.С. Горбачева от власти лиц (ГКЧП), но нерешительность действий нового руководства (вице-президента Г.И. Янаева, председателя КГБ В.А.Крючкова, министра обороны Д.Т. Язова) свела на нет подобные планы. У Э.Тополя «заговорщики» (представлявшие КПСС и КГБ) оказываются более решительными (из-за чего и складывается альтернативный сценарий прошлого). Они арестовывают Горячева (отправляя его в ссылку в город Курган), «демократическое» руководство РСФСР, жестко вводят реальное чрезвычайное положение в стране. Идеология пришедших к власти лиц – причудливая «смесь» постулатов коммунизма и русского национализма. Далее сюжет у Э. Тополя развивается по нарастающей линии. Уровень жизни населения в СССР после переворота резко падает. Спустя полгода после переворота в Екатеринбурге (переименованном из Свердловска) начинается восстание рабочих оборонных заводов, которое быстро охватывает восточные районы СССР и Сибирь. Горячеву удается бежать из ссылки, он обращается к США с просьбой арестовать руководителей заговора Стрижа и Митрохина. (Заметим: почему-то не к собственным «повстанцам»). Узурпаторы власти применяют против «законного» Президента СССР ядерное оружие (прямо в момент его телеобращения из Кургана в ООН, что говорит о полном непонима-

⁶⁰ Подробно тема соответствия/противоречия романа В.П. Аксенова «Остров Крым» исторической действительности, частичной «реализации» ее сюжета на практике рассмотрена в работе: Нехамкин В.А. Контрфактический вызов прошлого: пути преодоления // Вестник РАН. 2017. Т. 87. № 3. С. 248-256. Однако данное исследование требует продолжения, ибо показывает достижения и недостатки художественной литературы как специфического источника АИ.

нии Э. Тополем некоторых политических реалий. Даже если представить, что Стриж и Митрохин решились бы на данный бессмысленный акт, проводить его на глазах мирового сообщества – верх безумия). Армия США совместно с повстанцами начинает боевые действия против прокоммунистического правительства СССР. Такова в общем виде сюжетная линия книги.

Э. Тополь предлагал после августа 1991 г. рассматривать описанный в книге сюжет «не только как черновик истории или ее альтернативный сценарий, а как взгляд в ту пропасть, мимо которой миру удалось проскочить только чудом»⁶¹. Стоит отметить, что он на самом деле реализовался на практике (что роднит данную позицию со сценарием альтернативного прошлого В.П. Аксенова). Антигорбачевские силы (в лице членов ГКЧП), как и в романе Э. Тополя, пришли к власти в августе 1991 г. в Москве, но в реальности – на короткий трехдневный период. Однако на «большую кровь», массовую гибель людей пойти не решились. Вряд ли стали бы они применять и ядерное оружие на своей территории. С учетом нынешнего опыта (особенно событий в Ираке с 2003 г.) мысль, что НАТО и армия США принесли бы в СССР настоящую «демократию», без собственной выгоды жертвуя жизнями западных военнослужащих, кажется довольно наивной. Книга Э. Тополя прекрасно иллюстрирует «бессознательные», «соприродные душе» (как выразился по иному поводу О.Э. Мандельштам) страхи ментально советского (хотя и живущего за пределами СССР) интеллектуала указанного периода перед государством⁶². В этом – очищении от навязчивых идей путем их публичной демонстрации – важная задача АИ, выполняемая ей в рамках художественной литературы. Такой процесс еще древние греки (в лице философа Аристотеля) называли «катарсисом», который люди получали от искусства.

Подведем некий промежуточный итог. Конечно, автор не ставит целью рассмотреть все (хотя бы даже) российские рассказы, повести, романы, пьесы, кинофильмы, посвященные АИ. Это – тема отдельной книги, да и не одной.

⁶¹ Тополь Э. Завтра в России. М.: АСТ, 1992. С. 8.

⁶² Еще более драматичный альтернативный сценарий распада СССР в этом период описан в повести А.А. Кабакова «Невозвращенец», вышедшей еще до романа Э. Тополя, в 1988 г.

Поэтому объект исследования был максимально сужен, но с определенным прицелом: показать, что АИ – не просто интеллектуальная игра, отдельные ее сюжеты (в подкорректированном историей виде) реализуются на практике (как показывают «Остров Крым» Аксенова и «Завтра в России» Тополя, причем последний сценарий в короткий срок – 2 года – из футурологического стал альтернативно-историческим). Кроме того, здесь намеренно не анализировались многочисленные художественные произведения в жанре АИ у зарубежных писателей или отечественных ученых, работающих по совместительству в таком жанре (историк И.В. Можейко – писатель Кир Булычев и др.). Столь укороченный анализ имел целью выявить характерные черты занятий АИ на страницах художественных произведений, их соответствие, дополнение или противоречие аналогичным научным изысканиям. Посмотрим с методологических позиций на АИ как особое ненаучное (хотя и связанное с ним) направление познания потенциального прошлого. Какие здесь есть тенденции?

1. Наиболее популярны в художественной литературе такие приемы работы как мысленный перенос героя (героев) в прошлое («попаданчество») или описание реального героя (героев) в уже сформировавшейся альтернативной реальности (пример последнего – роман Р.Харриса «Фатерлянд», экранизированный в США, фильм режиссера К. Тарантино «Бесславные ублюдки» и многие другие).

2.«Попаданцы», кроме современных орудий и технологий, приносят в реальность прошлого «послезнание», т.е. полученную постфактум информацию о событиях минувшего. Кроме того, пока остается «проблематичным» вопрос их «попадания» в прошлое с технической стороны с позиции науки. «Машины времени» еще нет, а иные «способы» уводят нас в чистую фантастику. При описании писателем альтернативного прошлого с позиции уже живущего там героя тоже возникает проблема адекватности изменения художником «фактической» реальности.

3.Разумеется, в альтернативных исторических художественных произведениях много предвзятости, субъективности, личных политических пристра-

ствий, натяжек, а иногда и бессознательных страхов, даже пропаганды сомнительных с точки зрения морали и практики идей. Хотя от подобных недостатков не застрахован и ученый муж, но он принимает на себя (хотя бы имеющимся уровнем систематического образования) «обязательство» работать в поле или под влиянием научной методологии, всесторонности рассмотрения предмета. Писатель же этими требованиями не связан ни формально (не являясь ученым), ни практически (не имея, например, гуманитарного образования). Он может принять их добровольно. Часты случаи, когда ученый (историк), философ и т.д., описывает не осуществившиеся ситуации как писатель, совмещая обе ипостаси. Но в принципе никто не может запретить работать в художественном жанре АИ любому человеку, что неизбежно вызывает обвинения подобного вида «творчества» в целом в некомпетентности.

4. В защиту АИ в художественной литературе можно сказать следующее. Писатели: а) берутся за сюжеты, которых по тем или иным причинам избегает наука; б) их альтернативные сценарии иногда влияют на общественное сознание и даже реализуются (пусть и в измененном виде) на практике; в) ученый (при наличии соответствующей методологии) всегда (или почти всегда) может взять и «доработать» созданный писателем альтернативный исторический сценарий.

В целом же становление АИ в отечественной и зарубежной художественной литературе продолжится и в дальнейшем. В этом качестве она будет служить важным (хотя и специфическим) источником по данной дисциплине.

Третьим источником, откуда черпает информацию АИ, выступает **мемуарная литература**. Мемуары, т.е. воспоминания политиков, военных, деятелей культуры и т.д. выгодно отличаются от обычной художественной литературы в пользу (как ни странно) большей объективности. Их авторы стремятся не только реализовать собственное произведение на рынке, сделав его интересным по сюжету для читателя, а постфактум «оправдаться» самому за совершенные ранее деяния, показать ошибки у оппонентов и т.д. Конечно, в мемуарах часто сложно найти теоретический анализ альтернатив, явно прописанную авторскую

методологию. Описываемые здесь альтернативы конкретны, ситуативны. Формируются по принципу: «было сделано на практике так, но можно было иначе» с последующим более или менее подробным описанием ее содержания. Особенно интересен анализ альтернатив в воспоминаниях военачальников, которые в спокойной обстановке, имея информацию на сей раз в полном объеме (а не в ограниченном как непосредственные участники событий), рассуждают на тему «что было бы, если?» относительно отдельных боев (сражений) или кампаний в целом, стратегии и тактике ведения прошлых боевых действий. Такую тенденцию можно обнаружить в мемуарной литературе военных от древности до Второй Мировой войны и наших дней. Значительное место уделено анализу альтернатив в воспоминаниях полководцев Второй Мировой войны: как со стороны СССР, так и Германии. В мемуарах К.К.Рокоссовского⁶³ и Э. Манштейна, Г.Гудериана и А.В.Горбатова, П.А. Ротмистрова и Г.Гота и др. можно найти описания множества альтернативных исторических ситуаций, неиспользованных в прошлом возможностей. Хотя они нуждаются в дальнейшем научном изучении, но выделение подобных альтернативных гипотез именно в мемуарах говорит о данном типе работ как важном источнике АИ.

По сходной схеме строятся мемуары политиков, где тоже обнаруживаются «самооправдательные» альтернативы. Однако объектом здесь (в воспоминаниях У.Черчилля, Ш. де Голля, В.Ж. д'Эстена, Н.С. Хрущева, В. Брандта, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина и др.) служат не столько военные кампании, сколько внутренняя и внешняя политика государств, судьбы народов, когда эти люди управляли ими, а также – ... подчас претензии на возвращение к власти вновь (как это имело дело с военными мемуарами Черчилля и де Голля, являвшимися средствами обработки массового сознания населения Великобритании и Франции в 1950-е гг.).

Источником АИ выступают воспоминания не только правителей, но и ушедших в отставку государственных чиновников – министров, руководителей

⁶³Воспоминания маршала К.К. Рокоссовского «Солдатский долг», изданные в 1997 г. в «бесцензурном» варианте, буквально насыщены выдвигаемыми военачальником альтернативами, касающимися боевых действий РККА в 1941–1945 гг.

правительств (например, альтернативы позднего СССР рассматривали в мемуарах Н.К. Байбаков, Е.И.Чазов, Н.И. Рыжков и др., Украины 2013-2014 гг. – ее бывший премьер-министр Н. Азаров).

Выделим особенности мемуаров как источника АИ. Во-первых, знание политиками, военачальниками предмета исследования. Во-вторых, управленческий опыт, который сказывается на моделировании последствий реализации какой-либо альтернативы. В-третьих, наличие у них значительного объема информации по указанному периоду (вследствие личной памяти, доступности архивов и т.д.). В-четвертых, желание найти варианты лучшие, чем в реальности для демонстрации (постфактум) правильности собственных действий. Недостатки такого источника – субъективизм, нередкое игнорирование данных науки, желание обойти вниманием некоторые эпизоды прошлого. В методологическом плане – частое отсутствие обоснования последствий реализации сформулированных альтернативных исторических гипотез.

Наконец, еще одним, четвертым, источником АИ выступают **научные работы** на подобную тематику. Обобщим их в ряд групп. Во-первых, научные конференции, где обсуждаются теоретико-методологические вопросы альтернативного моделирования прошлого⁶⁴, сборники их докладов. Во-вторых, индивидуальные (коллективные) монографии⁶⁵, где рассматриваются подобные проблемы. В-третьих, отдельные антологии, где авторский коллектив состоит из представителей научного сообщества. В-четвертых, некоторые работы по традиционной истории, в которые включен как часть исследования анализ вариантов альтернативного прошлого. Как ни странно, первым в этом жанре попробовал себя античный историк Тит Ливий, который в «Истории Рима от основания Города» описал потенциальную войну империй Рима и Александра Македонского, отдав пальму первенства римлянам. В СССР данный прием позволял ученым весьма свободно и приемлемо для официальной цензуры рассуждать на тему «что было бы, если?» (Скажем, Н.Я. Эйдельман вполне официаль-

⁶⁴История в сослагательном наклонении? //Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 5-85; Historically Speaking. 2004. Vol. V. № 4.Р.10-30.

⁶⁵Модестов С.А. Бытие несвершившегося. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

но включил в биографию декабриста С. Муравьева-Апостола «Апостол Сергей» 1975 г. главу «Фантастический 1826-й», описывающую последствия успеха восстания Южного общества). Такой источник АИ присутствует и у современных историков⁶⁶. В-пятых, статьи в научных журналах, где описывается содержание некоторых частных альтернатив⁶⁷. В-шестых, монографии, где подробно раскрывается с научной точки зрения содержание той или иной альтернативы (например, К. Макси описал ход вторжения вермахта в Англию в 1940 г.)⁶⁸.

Выделенные здесь в «чистом» («идеально-типическом» в терминологии М.Вебера) виде, указанные научные источники АИ активно влияют друг на друга, носят смешанный характер на практике. Статья ученого из антологии может перерасти в монографию, сценарий из монографии – стать основой для статьи в журнале и т.д. Ученый может сменить жанр творчества: написать художественную книгу на тему АИ, или сценарий соответствующего кинофильма.

Следует обратить внимание, что у АИ есть и материально-практические источники. Это, например, относится к архитектуре, где соседствуют здания, отражающие разные стили: доминирующий и «альтернативный», который мог занять его место⁶⁹. Такая картина имеется и в иных видах деятельности (технике, науке и др.). Наблюдая материальные «проявления» нереализованных вариантов, люди стремятся осуществить моделирование их полной или частичной реализации.

Подведем итог. АИ формируется на базе ряда источников. Кроме главного (реального прошлого, мысленно изменяемого в познавательных целях), есть и несколько специфических: антологии; художественные произведения; мемуары; научные труды. Указанные источники влияют друг на друга. Каждый из них тоже дифференцирован, неоднороден по имеющимся направлениям. Их

⁶⁶Шубин А.В. 1937. АнтиТеррор Сталина. М.: Яуза Эксмо, 2010. С. 251–258. *Он же*. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: ООО Родина МЕДИА, 2014. С. 441–444.

⁶⁷Кудряшов С.В., Олейников Д.И. Указ. соч. С. 11-19.

⁶⁸Макси К. Вторжение, которого не было. М.: АСТ, 2001.

⁶⁹Фесенко Д.Е. О контрфактическом исследовании архитектурной истории // Архитектурный вестник. 2007. № 1 (94).

разнообразии говорит о том, что АИ – направление познания потенциального прошлого, включающее (объединяющее, совмещающее) как научное, так и ненаучное мировоззрение.

Источники АИ частично пересекаются с источниками исторической науки (например, в случае мемуаров). Кроме того, альтернативное прошлое из сферы мысли может стать движущей силой поступков людей (как произошло с проектом «Остров Крым» В. Аксенова). Наконец, в различных сферах практики (архитектура и т.д.) могут сохраниться образцы, альтернативные доминирующей тенденции. Отсюда изучение источников АИ требуется продолжать.

Глава 3. Синергетика и методология контрфактического моделирования прошлого⁷⁰

В настоящее время наряду с традиционным историческим познанием, описывающим реально свершившееся прошлое (ретросказанием), развивается и другое направление его изучения: контрфактические исторические исследования (КФИ), на основе которых строится контрфактическое моделирование прошлого (КФМ). КФИ крайне популярны как в России, так и за ее пределами. Интерес к подобному моделированию прошлого особенно заметен со второй половины XX в. Именно в 1970-е гг. появляются эссе английского историка А. Тойнби «Если бы Александр не умер тогда...» и «Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели»⁷¹. Чуть раньше – фундаментальная работа Р. Фогеля⁷², в которой с помощью математических методов рассматривались последствия отсутствия железных дорог для развития экономики США XIX в.

В конце XX – начале XXI вв. на Западе и в России активно издаются антологии, в которых подвергаются анализу нереализовавшиеся исторические возможности. Этой теме посвящаются монографии⁷³. В ведущих российских научных журналах выходят статьи, авторы которых обсуждают различные (мировоззренческие, методологические, этические) аспекты контрфактического моделирования прошлого⁷⁴. Наконец, в 1999 г. в Институте Всеобщей Истории

⁷⁰ Глава 3 написана на основе статьи: Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования и синергетика (Пути взаимодействия) // *Общественные науки и современность*. 2006. № 5. С. 120 – 129. Развитие изложенных здесь идей см. в работе: Нехамкин В.А. Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2015. Вып. 7 (40). С. 11-12.

⁷¹ Тойнби А.Д. Если бы Александр не умер тогда ...// *Знание-сила*. 1979. № 12. С. 39-42; Тойнби А.Д. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели // *Знание-сила*. 1994. № 8. С. 60-65.

⁷² Fogel R. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1964.

⁷³ Экштут С.А. В поиске исторической альтернативы (Александр I. Его сподвижники. Декабристы). М.: ИЦ «Россия молодая», 1994; Гуц А.К. Многовариантная история России. М.: АСТ, 2000; Модестов С.А. Бытие несвершившегося. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

⁷⁴ Померанц Г.С. История в сослагательном наклонении // *Вопросы философии*. 1990. № 11. С. 55-66; Кудряшов С., Олейников Д. Оккупированная Москва // *Родина*. 1995. № 5. С. 11–19; Бестужев – Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // *Вопросы философии*. 1997. № 8; Экштут С.А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления

РАН прошел круглый стол на тему «История в сослагательном наклонении?»⁷⁵. Отсюда некоторые ученые делают оптимистический вывод: «Возможность моделировать исторический процесс, ... заново проигрывая ту или иную ситуацию и обсуждая события, которые могли бы произойти, однако в действительности не произошли, – определяет ... методологическую специфику исторической науки»⁷⁶.

Однако распространенность данных исследований еще не говорит об отсутствии у них фундаментальных теоретических проблем. Прежде всего, не ясно: как рассуждения «что было бы, если?» связаны с исторической действительностью? «...История не терпит сослагательного наклонения, ее не переделаешь»⁷⁷. Реальное прошлое – константно, представляет собой некую «данность, которую ничто не властно изменить»⁷⁸. Следовательно, любой его анализ в контрфактическом ключе априори ирреален. Отсюда рассуждения «что было бы, если?» в лучшем случае – «просто разговорный прием, позволяющий более рельефно показать роль случайного ... в историческом движении человечества»⁷⁹. А в худшем – бессмысленные «попытки пытаться угадать, как могли бы... развиваться события...»⁸⁰.

Кроме того, вызывает обоснованные сомнения возможность получения в рамках контрфактических исследований каких-либо достоверных знаний: «в состоянии ли человеческая мысль добраться до истины, если факты отодвигаются на второй план, а на передний выдвигаются несостоявшиеся альтернативы, когда вся система рассуждений покоится на предположениях «вот если бы..., тогда бы?»⁸¹. Некоторые ученые вообще выводят КФИ за рамки науки,

ния // Вопросы философии. 2000. № 8; Гусейнов А.А. Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 3–33.

⁷⁵ Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 5-85.

⁷⁶ Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 34.

⁷⁷ Розанов Г.Л. Сталин-Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939-1941. М.: Международные отношения, 1991. С. 10.

⁷⁸ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 35.

⁷⁹ Там же. С. 72.

⁸⁰ Розанов Г.Л. Цит. соч. С. 9-10.

⁸¹ Егоров В.К. История в нашей жизни. М.: Наука, 1990. С.6.

отождествляют с беспочвенными «гаданиями» о минувшем. «Историк ... не может гадать на тему «что было бы, если бы то, а не это»⁸².

Итак, перед контрфактическими историческими исследованиями стоят следующие фундаментальные проблемы: 1) имеют ли они под собой какие-либо действительные основания, связь с реальным прошлым или выступают исключительно мыслительными конструкциями; 2) можно ли с их помощью осуществить адекватное науке познание минувшего? На мой взгляд, один из вариантов их решения предложен в рамках синергетики.

Позиция сторонников синергетики строится на твердых онтологических основаниях. Дело в том, что в обыденной жизни человек часто оказывается в ситуациях, когда ему необходимо выбирать из нескольких альтернативных возможностей дальнейшего развития. Этот выбор, как правило, носит «безобидный» характер: что купить – хлеб или молоко? Куда пойти – направо или налево? Но может быть и более драматичным. Так, в ходе Великой Отечественной войны, летом 1941 г., флагманский минер П. Вольский, «выведя из строя порт Пярну, взорвав ... суда на выходе из него, задержал на 1–2 месяца продвижение немецко-фашистских войск, рассчитывавших именно через этот порт ускорить свое продвижение к Таллину и Ленинграду... П.Вольский оказался в той *точке* (курсив мой – В.Н.) пространства и времени, от которой война могла пойти по другому сценарию»⁸³. Тем самым человек может не только следовать в фарватере доминирующего в данный момент варианта (например, отступления Красной Армии), но и сознательно выбирать альтернативные ему возможности поведения.

Теоретическим отражением таких ситуаций и стало вводимое в рамках синергетики понятие «точка бифуркации»⁸⁴. Она спонтанно появляется в любых неравновесных системах, включая социальные. Носит уникальный характер:

⁸² Сахаров А.М. Методология истории и историография (Статьи и выступления). М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1981. С. 64.

⁸³ Серебрянников В.В. Социология войны. М.: Научный мир, 1997. С. 239-240.

⁸⁴ «В обыденной речи «бифуркация» означает развилку или раздвоение надвое (от лат. *bi* – двойной и *furca* – «развилка»)» (Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7. С. 12).

другой такой «точки бифуркации» с подобной «начинкой» никогда не возникнет. Содержание определяется тем, что здесь «состояние системы теряет стабильность и может развиваться в сторону многих различных режимов функционирования»⁸⁵. «Точка бифуркации» задает поливариантный характер становления неравновесных систем. Здесь содержится несколько вариантов дальнейшего развития. Под воздействием любого случайного, хаотического фактора в ней возможен переход к одному из множества возможных «режимов функционирования».

Таким образом, «точка бифуркации» – основа многовариантности, обуславливающая неопределенность развивающейся действительности. «В этих точках самое полное знание не даст нам возможность вычислить то, что произойдет»⁸⁶.

Поскольку в прошлом социальных систем такие переходные «точки» неоднократно имели место, то ученые-историки, проводящие анализ на базе синергетики, должны реконструировать содержавшиеся здесь варианты. Тем самым контрфактические исследования (и КФМ) обретают онтологическое основание: как поиск и анализ реально существовавших ранее точек бифуркации. Причем, их изучение, базирующееся на специфической методологии, носит научный характер.

Однако здесь, на мой взгляд, эвристический потенциал синергетики И. Пригожина применительно к контрфактическим историческим исследованиям исчерпывается. Это можно проследить по следующим направлениям.

1. Поскольку методологической базой реконструкции содержания «точек бифуркации» выступают преимущественно математические методы, они существенно ограничивают временной диапазон подобных исследований. Как справедливо указывает М. Левандовский, «без цифр установить точки бифуркации невозможно, поэтому наша методика годится лишь для исследований современности и позднего Нового Времени. А все размышления на тему «а что, если

⁸⁵ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 11.

⁸⁶ Там же.

бы?», относящиеся к более ранним эпохам, – это не более чем изящная интеллектуальная забава»⁸⁷. Соответственно, к античности и средним векам контрфактические исследования применяться не могут.

2. Поскольку решающее влияние на выбор одного из вариантов развития в точке бифуркации оказывают случайные факторы, спонтанные изменения (флуктуации), сторонники синергетики абсолютизируют их роль и в социальных системах. Исторический процесс представляется им чередой случайностей. «Внутренний распад и проигранная война в 1917 г. привели Россию за порог стабильности. Система распалась, и из хаоса «Великой Октябрьской Социалистической Революции» возник Ленин и неожиданный для всех марксистский режим большевиков – тот самый, который распался в 1991 г. в результате другой неожиданной бифуркации»⁸⁸, – утверждает Э Ласло. Отсюда реконструкция вариантов потенциального исторического развития теряет практический смысл. Ибо она не позволяет выявить в истории никаких закономерностей.

3. Контрфактическим исследованиям мешает и провозглашенный в рамках синергетики И. Пригожина тезис о принципиальной невозможности предвидения будущего в переходных состояниях. «Хотя мы и можем знать начальные условия в бесконечном числе точек (бифуркации – В.Н.), будущее, тем не менее, остается принципиально непредсказуемым»⁸⁹. Это означает, что содержание «точек бифуркации» не константно, а постоянно изменяется. Находившиеся в них варианты социального развития более в историческом процессе не воспроизводятся. Например, между «точками бифуркации», в которых Россия находилась в 1917 и 1991 гг., нет ничего общего.

Если в точках бифуркации господствуют случайности, их содержание не воспроизводится в будущем, то невозможно прогнозировать, какие варианты возникнут здесь в дальнейшем. В таком случае реконструкция возможностей, имевших место в точке бифуркации, тоже становится практически бесполезной.

⁸⁷ Цит. по: Юзефович Г.Л. Сад расходящихся тропок // Еженедельный журнал. № 10. (13. 03. 2002 г.). С. 65.

⁸⁸ Ласло Э. Цит. соч. С. 16.

⁸⁹ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 51.

Из указанных недостатков синергетики вытекает и двойственность отношения одного из основателей современной синергетики И. Пригожина к контрфактическим исследованиям прошлого. С одной стороны, на теоретическом уровне он их приветствует: «Для того, чтобы имело смысл говорить об истории, необходимо вообразить, что то, что имело бы место, могло бы и не произойти ... Что произойдет, если...? Что произошло бы, если? Эти вопросы обозначают уникальность точек бифуркаций»⁹⁰.

С другой стороны, в методологическом плане подобный анализ неприемлем. Поэтому он отождествляется с фантастикой и должен быть отвергнут учеными. «Кто не знает истории о том, как из-за того, что в кузнице не было гвоздя, у лошади слетела еле державшаяся подкова, из-за захромавшей лошади убит скакавший на ней командир, из-за смерти командира разбита конница, что в свою очередь вызвало отступление всей армии»⁹¹ и т.д. Такого рода проблемы ... и служат основной темой научно-фантастических «путешествий во времени»: что случилось бы, если бы...? Спекуляции на эту тему всегда предполагают некоторое изменение масштаба. Событие, ранее казавшееся незначительным, смогло изменить ход истории»⁹².

В результате перед специалистами-гуманитариями встали следующие вопросы. Как преодолеть недостатки позиции И. Пригожина и его сторонников? Каким образом можно адаптировать синергетику для использования в контрфактическом анализе прошлого?

Одни ученые пытались усовершенствовать прежнюю методологию. Ими было признано, что неравновесные социальные системы предполагают наличие сознательных действий людей. Это обстоятельство лежит в основе различия

⁹⁰ Пригожин И. Переоткрытие времени... С. 11.

⁹¹ И. Пригожин говорит здесь об английском стихотворении «Гвоздь и подкова». В переводе С.Я. Маршака оно звучит следующим образом: «Не было гвоздя – подкова пропала / Не было подковы – лошадь захромала. / Лошадь захромала – командир убит / Конница разбита, Армия бежит. / Враг вступает в город, Пленных не щадя, / Оттого что в кузнице/ Не было гвоздя» (Цит. по: Маршак С.Я. Сказки, песни, загадки. Стихотворения. В начале жизни. Страницы воспоминаний. М.: Детская литература, 1987. С. 449).

⁹² Пригожин И., Стенгерс И. Время, Хаос, Квант. М.: Наука, 1994. С. 53-54.

содержания «точек бифуркации» физического и социального миров. Его надо учитывать в ходе проведения исследований в рамках синергетики.

Исходя из такой предпосылки, Э. Ласло выдвинул гипотезу о наличии микро- и макроуровневых «точек бифуркации». На макроуровне, где существуют объективные законы, предвидеть будущее нельзя. По содержанию и свойствам, подобный тип «точки бифуркации» адекватен существующим в физическом мире.

Иное дело – микроуровень. Здесь действуют наделенные сознанием индивиду. Как полагает Э. Ласло, «люди представляют собой относительно стабильные и наделенные разумом «части» нестабильного целого. В отличие от самого общества его отдельным членам присуща способность мыслить, планировать и рассматривать альтернативные варианты действий»⁹³. Следовательно, хаос, имеющий место в обществе, не тождествен хаосу физического мира (например, частиц). Люди подчинены не только объективным законам, определяющим их поведение, а наделены разумом и волей, осуществляют целенаправленные поступки, сознательно выбирают лучшие из альтернативных вариантов действий. Поэтому контрфактический анализ их действий – необходим.

Таким образом, выделение двух типов «точек бифуркации» означало попытку адаптации синергетики к особенностям социальной системы. Показало возможность и необходимость учета влияния мышления и деятельности людей на вариативность в точке бифуркации. Доказало, что они сознательно выбирают (в меру своих возможностей) направления дальнейшего развития социальных систем.

Однако при таком подходе опять возникает противоречивая ситуация. С одной стороны, на микроуровне отдельные люди могут планировать и предвидеть будущее. С другой стороны, на уровне общества в целом совокупный результат их действий в рамках «глобальной» социальной «точки бифуркации» все равно остается непредсказуемым. Соответственно, рассуждения «что было бы, если?» применимы при анализе в переходных состояниях лишь действий

⁹³ Ласло Э. Цит. соч. С. 64.

отдельных лиц. Следовательно, вопрос о необходимости контрфактических исследований исторических событий, в концепции Э. Ласло, как и у И. Пригожина, остается открытым.

Другая группа ученых, на наш взгляд, пошла по иному пути адаптации синергетики к социальному (историческому) познанию: отказа от использования категории «точка бифуркации», связанной с ней естественно научной методологии. Отсюда появляется ряд понятий, адекватных новому объекту: «критической точки истории»⁹⁴, «высшей точки истории»⁹⁵, «сингулярной точки истории»⁹⁶ и т.п.

Изменения в терминологии тоже привели к неоднозначным последствиям. С одной стороны, по содержанию данные категории во многом тождественны «точке бифуркации». Признается, что они включают в себя различные варианты дальнейшего становления социальной системы. Например, «во внутреннюю массу критической точки ... заложены альтернативные пути развития всего исторического процесса или отдельных его частей и направлений»⁹⁷. Любая социальная «система, достигшая высшей точки развития, подготавливает свое собственное отрицание к процессу общественного развития... Зрелость общественной формации и начало нового периода возрастания многовариантности общественного развития являются ...понятиями почти идентичными»⁹⁸.

С другой стороны, данные категории имеют и существенные отличия от «точки бифуркации». Здесь ученые исходят из доминирующей роли субъекта. Из того, что процесс реализации одного из вариантов на практике «прокладывает себе дорогу через действия... индивидов, через борьбу социальных сил»⁹⁹. «В зависимости от того, какая альтернатива будет избрана активно действующими на исторической арене силами и деятелями, будет определен ... путь раз-

⁹⁴ Журов Ю.В. Очерки методологии истории. Брянск: Издательство Брянского госпедуниверситета, 1996. С. 86.

⁹⁵ Иноземцев В.Л. Альтернативность общественного развития // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1991. № 2.

⁹⁶ Панов А.Д. Сингулярная точка истории // Общественные науки и современность. 2005. № 1.

⁹⁷ Журов Ю.В. Цит. соч. С. 86.

⁹⁸ Иноземцев В.Л. Цит. соч. С.9.

⁹⁹ Там же.

вития соответствующего исторического объекта»¹⁰⁰. Это обстоятельство, в свою очередь, обусловило изменение методологии контрфактического анализа, базирующегося на синергетике.

Ее фундаментом стал следующий тезис: в переходных состояниях, в момент равновесия возможностей, «решающую роль может сыграть как случайность, так и механизм сознательного выбора. Та историческая действительность, которая реализуется, зависит как от комплекса случайных обстоятельств, так и от самого сознания действующих лиц исторической драмы»¹⁰¹. Отсюда «точка бифуркации» на социальном уровне получает новое содержание. Она начинает трактоваться как более конкретная, специфическая категория: «историческая развилка», на базе совокупности которых можно раскрыть историю отдельной страны¹⁰². На наш взгляд, именно данная категория помогает в максимальной степени раскрыть эвристический потенциал синергетики в рамках контрфактических исторических исследований.

Понятие «исторической развилки» пришло в науку из литературы. Здесь его первым метафорическим выражением стал образ разветвляющейся «дороги». Так, герой рассказа О. Генри «Дороги, которые мы выбираем», Акула Додсон рассказывает собеседнику Бобу Тидолу следующую историю. Идя в Нью-Йорк, он оказался на перекрестке дорог и после длительных раздумий повернул налево. Затем Акула, оказавшийся совсем не там, куда ранее собирался, задает важнейшим вопросом: «Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я выбрал другую дорогу?»¹⁰³

Эта мысль выражена и в стихотворении Р. Фроста «Другая дорога»:

«В осеннем лесу, на развилке дорог,
Стоял я, задумавшись у поворота;
Пути было два, и мир был широк,

¹⁰⁰ Журов Ю.В. Цит. соч. С. 86.

¹⁰¹ Харитонович Д.Э. История структур и история событий // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Сода, 1996. С. 175.

¹⁰² См.: Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005.

¹⁰³ Генри О. Короли и капуста. Новеллы. Л.: Лениздат, 1986. С. 582.

Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то»¹⁰⁴.

Далее человек едет по одной из дорог, но всю жизнь его не оставляет вопрос: «что могло случиться, если бы он выбрал другую?»).

Подобный бинарный подход к восприятию переходных состояний в социальном мире выступает как упрощенный. Такова самая элементарная, простая форма «исторической развилки». Но апеллирование исключительно к ней, как замечает В.К. Егоров, «было бы верно, если бы в жизни всегда было два пути. Выбор по принципу или – или. Но даже у сказочного камня богатырю предлагалось больше вариантов для ... принятия решения»¹⁰⁵. Действительно, в былине об Илье Муромце рассказывается, что однажды он оказался на перекрестке дорог перед «горюч – камнем» с надписью: «Прямо поехать – убитому быть, направо поехать – богатому быть, а налево поехать – женатому быть». Интересно, что Илья «посетил» первые два направления и отказался следовать по третьему. Данному герою приходилось в исторической развилке выбирать между тремя, а не двумя вариантами действий.

Однако «исторические развилки» не есть продукт лишь художественной литературы. Ситуации, в которых имеет место выбор одного из нескольких возможных вариантов, встречаются и в историческом процессе. Так, только в России XX в. «судьбоносные» исторические развилки обнаруживаются, как минимум, в пяти случаях. Одни из них связаны с действиями личностей: например, в 1953 и 1985 гг. от выбора руководителя страны существенно зависел ее новый внутри и внешнеполитический курс. Другие – с объективным ходом исторических событий: какие из ряда реально существовавших путей развития изберет страна в 1917, 1929, 1991 г.? В результате «можно найти немало... исторических развилок, способных – случись им осуществиться – привести к самым невероятным последствиям»¹⁰⁶. Для их реконструкции, анализа

¹⁰⁴ Модестов С.А. Цит. соч. С. 157.

¹⁰⁵ Егоров В.К. История в нашей жизни. М.: Наука, 1990. С. 30.

¹⁰⁶ Лещенко В. Ветвящееся время. История, которой не было. М.: АСТ, 2003. С. 576.

всего набора существовавших в каждой такой «развилке» возможностей, необходим контрфактический анализ.

Здесь тоже существуют различные подходы. Так, одни ученые (или писатели) при изучении исторических развилки стремятся выявить здесь влияние исторических личностей, проследить последствия их потенциальных действий. Это осуществляется посредством анализа «малых случайных воздействий». Они «могут оказаться решающими при выборе ветви бифуркационной диаграммы. В исторической интерпретации это соответствует возрастанию роли отдельных личностей, появлению (у них—В.Н.) возможности влиять на ход исторических процессов с помощью малых воздействий»¹⁰⁷. Следовательно, в «исторических развилках» «решения» (действия) отдельных индивидов, их персональный выбор между различными направлениями социального развития, способны оказать важнейшее влияние на эволюцию общества.

Главный прием здесь¹⁰⁸ – мысленная замена личности на иную, противоположную реальной. Как правило, исследование начинается с вопроса: что, если бы в данной ситуации на месте одного человека, наделенного властными полномочиями, оказался другой? Так, Джером Джером в повести «Трое в лодке (не считая собаки)» моделировал ситуацию, при которой король Иоанн мог не подписать в 1215 г. Великую Хартию вольностей для английских баронов: «...Он бросает быстрый взгляд на своих французских наемников, выстроенных сзади, и на угрюмое войско баронов, окружившее его.

Может быть еще не поздно? Один сильный, неожиданный удар по рядом стоящему всаднику, один призыв к его французским войскам, отчаянный натиск на готовые к отпору ряды впереди – и эти мятежные бароны еще пожалуют о том дне, когда они посмели расстроить его планы! Более смелая рука могла бы изменить ход игры даже в таком положении. Будь на его месте Ричард, чаша свободы ... была бы выбита из рук Англии, и она еще сотню лет

¹⁰⁷ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997. С. 107.

¹⁰⁸ Полный авторский список методов выдвижения гипотез в КФИ см. в главе 1.

не узнала бы, какова эта свобода на вкус!»¹⁰⁹. Следовательно, в результате контрфактического моделирования данной исторической развилки напрашивается вывод: если бы Иоанн оказался смелым и решительным, как его предшественник Ричард Львиное Сердце, то английские дворяне не получили в XIII в. никакой «Великой Хартии Вольностей»!

При анализе данного события учитываются не маловероятные (типа падения подковы), а целенаправленные (обусловленные психологией) действия исторической личности, которые оказывают решающее влияние на изменения, происходящие в «исторической развилке». Это позволяет предвидеть возможный результат с определенной степенью точности, а значит, – преодолеть тезис И.Пригожина о «принципиальной непредсказуемости» будущего. Кроме того, возникает возможность сравнения поведения различных исторических деятелей минувшего: например, английских королей Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного. Ретропрогнозирование, осуществляемое на основе учета действий политиков, военачальников, выступает важным элементом, раскрывающим целесообразность, практическую ценность контрфактических исторических исследований.

Многие специалисты в рамках концепции «исторической развилки» подвергают анализу и другой объект – исторические события. Они согласны с И. Пригожиным, что здесь действует множество случайностей (флуктуаций), которые невозможно учесть. Но при анализе на данном уровне достоверный результат должен быть получен путем сведения множества влияющих на событие факторов к двум-трем основным, наиболее значимым. Так, В. Звягинцев описывает «сильную» Россию XXI в., которая могла возникнуть в случае победы в войне с Японией (1904–1905 гг.) на основе трех случайностей: «Развилка, за следующие полтора-два года почти неузнаваемо изменившая этот мир, обнаружилась в 1904 г. Конкретно – на Дальнем Востоке, в Порт-Артуре, где три случайности, ранее приведшие к поражению России, сработали, что называется, с

¹⁰⁹ Цит. по: Бушков А.А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М.: ОЛМА ПРЕСС, 1999. С. 27.

обратным знаком. Сначала японцы... упустили шанс нанести внезапный удар по стоящей на внешнем рейде Первой Тихоокеанской эскадре, затем...31 марта... взорвался не «Петропавловск» с адмиралом Макаровым, а «Мидаса» с адмиралом Того, и, наконец, во время сражения в Желтом море..., снаряд уничтожил заменившего Того адмирала Камимуру вместе с его штабом. Разгром был полный. Вскоре после этого капитулировала сухопутная армия в Маньчжурии...»¹¹⁰.

Соответственно, три рассмотренные случайности (две из которых носят «персональный» характер) устраняют, нивелируют действия множества других. При контрфактическом анализе в них концентрируются главные причины изменения итога данного события. И если, согласно варианту синергетики И. Пригожина, учесть влияние всей совокупности флуктуаций, нельзя, то двух-трех основных – можно и нужно. Это сделает результат реконструкции потенциальных вариантов прошлого достоверным, прогнозируемым. Следовательно, при контрфактическом анализе тезис об абсолютно «непредсказуемом» характере развития социальных систем преодолевается.

Однако в рамках концепции «исторической развилки» был найден способ максимального дистанцирования от негативного влияния случайностей на ретроспективное прогнозирование хода исторического события. С данной целью на «перекресток дорог» помещают не только какого-то человека, но и общество в целом. В результате случайности, присущие действиям (влиянию) отдельных людей, нивелируются, элиминируются. На первый план выступают общие закономерности, которые с большей долей достоверности позволяют говорить о становлении различных вариантов исторического развития. Так, «историческая развилка», имевшая место в России (тогда – СССР) в 30-е гг. XX в., рассматривается В. Поповым и Н. Шмелевым следующим образом: «Тогда мы стояли на перекрестке дорог. В истории наций и государств, как и в жизни отдельных людей, такие развилки не редкость... Такой ключевой развилкой... был период нэпа, особенно его первые годы. Если бы мы тогда не остановились только на

¹¹⁰ Звягинцев В.Д. Время игры. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 338.

экономических реформах, а пошли дальше, по пути демократических политических преобразований...– убеждены, никогда бюрократический аппарат не смог бы захватить власть и свернуть нэп»¹¹¹. Особенность данной «развилки» состоит в том, что при ее реконструкции ученый абстрагируется от влияния отдельных людей на ход события¹¹². В результате, в подобной модели, случайности, вызванные действиями личностей, исчезают. Это повышает прогностический характер контрфактических исследований. Кроме того, в анализ данного события вводится такой фактор, как процесс реализации демократических реформ. Отсюда вывод: моделируя события 30-х гг. XX в. и абстрагируясь при этом от учета влияния личностного фактора, можно утверждать, что Россия (СССР) пошел бы по демократическому пути развития. Подобный вариант был вполне реален, возможен.

Таким образом, социальная система, ее поведение, становится предсказуемым не вопреки, а в полном соответствии с синергетикой, адаптированной к новому объекту исследований.

Не исключено, что в дальнейшем ученым, изучающим исторические развилки, придется отказаться и от другого фундаментального понятия синергетики И. Пригожина: флуктуаций, т.е. спонтанных, хаотических изменений, оказывающих решающее влияние на переход к одному из «режимов функционирования» в точках бифуркации. При объяснении причин трансформаций неравновесных систем физического мира оно полезно, а при анализе социального – ве-

¹¹¹ Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 323.

¹¹² Существует и противоположная точка зрения. Она связывает вариативность в «исторических развилках» преимущественно с деятельностью отдельных личностей, их психологией. Исходит из решающего влияния именно субъективного фактора на «торжество той или иной альтернативы» (Могильницкий Б.Г. Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 7). Однако такая концепция, на наш взгляд, имеет серьезный недостаток: тяготеет к бинарному восприятию переходных состояний в развитии социальных систем. Так, Б.Г. Могильницкий утверждает: «Можно определить главные альтернативы, обозначенные в развитии нашего (российского–В.Н.) послереволюционного общества. Первая...нашла ...яркое выражение в ленинском плане строительства социализма...и в кратковременной истории нэпа, вторая – в сталинском тоталитаризме» (Там же. С. 4). Кроме того, «олицетворением» альтернатив оказываются, как правило, лишь правители. Остальные личности остаются «за бортом» исследований. Поэтому ученые начали искать пути преодоления субъективности при реконструкции существовавших в исторических развилках возможностей.

дет к абсолютизации роли случайности в истории, препятствует поиску в ней закономерностей. Как выйти из сложившейся ситуации?

На наш взгляд, место понятия «флуктуации» в теории исторической развилки должна занять разработанная А. Тойнби модель «вызов – ответ». Ее суть состоит в том, что каждое общество сталкивается с угрозами своему существованию («вызовами»), которые могут исходить как из природной, так и из социальной среды¹¹³. Отсюда задача людей – найти адекватный «ответ», т.е. так перестроить существующую социальную организацию, чтобы она смогла преодолеть возникающие трудности, успешно развиваться дальше. Если он не находится, то данный социум (в самом пессимистическом случае) перестает функционировать или пребывает в состоянии перманентного кризиса долгие годы.

Как модель «вызов–ответ», на мой взгляд, работает при анализе «исторических развилочек»? Она наглядно показывает, что здесь происходит не спонтанный «выбор» одной из имеющихся нескольких возможностей (как казалось И. Пригожину или Э. Ласло), а более сложный процесс. Люди (в том числе, наделенные властью) пытаются сознательно выявить, исходя из имеющейся у них всегда ограниченной информации, наиболее оптимальный в сложившейся ситуации вариант. При этом они часто ошибаются, следуют по пути, препятствующему достижению поставленной цели.

В результате у некоторых ученых складывается впечатление, что найти оптимальный вариант развития общества в «переходной» ситуации вообще невозможно. Так, Г. Дилигенский утверждает: «Россия вынуждена заниматься не тонкой настройкой своего социального организма, когда из неплохих вариантов можно выбрать оптимальный, а всегда выбирает из плохих вариантов такой, который бы не привел к катастрофе»¹¹⁴. Для опровержения подобных пессимистических выводов в рамках теории «исторической развилки» и нужны контрфактические исторические исследования. Они позволяют людям извлекать из

¹¹³ Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 113.

¹¹⁴ Цит. по: круглый стол «Риск исторического выбора в России» // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 9.

минувшего «уроки», практически полезные в интересах настоящего и будущего.

Один из таких подходов связан с установлением «запретов на некоторые стратегии взаимодействия»¹¹⁵. В рамках этой позиции признаются тезисы И. Пригожина, сформулированные им относительно «точки бифуркации»: 1) здесь сосуществуют множество вариантов дальнейшего развития системы; 2) нельзя однозначно просчитать, какой из существующих путей ее дальнейшей эволюции будет выбран.

Но в данном случае не делается вывода о полностью непредсказуемом характере социальной истории. Так, если исходить из исторического опыта, у нас есть информация о прошлых подобных «переходных» состояниях. Мы знаем о том, к чему привели действия людей в схожих обстоятельствах. Отсюда по аналогии можно заключить следующее: если последствия были отрицательными для жизни общества, то такую линию поведения не следует повторять в настоящем. Более того, можно исключить некие ранее показавшие себя «негативно» стратегии поведения, действия индивидуальных и (или) социальных субъектов.

Рассмотрим принципы работы данной «системы запретов» на примере анализа политических событий лета и осени 1917 г. в России. В существовавшей тогда «исторической развилке» имел место ряд вариантов дальнейшего развития ситуации: сохранение легитимной власти, ее свержение правыми (монархисты, часть армейских «верхов») или левыми (большевики) силами. Как и почему происходил их отбор? В реальности управлявшее страной Временное правительство не пошло на удовлетворение требований большинства ее населения. «Трудящиеся, прежде всего крестьянские массы, требовали, во-первых, прекратить... не популярную в народе войну и, во-вторых, решить аграрный вопрос - изъять землю у помещного дворянства и передать ее крестьянам. Анализ политики Временного правительства позволяет сделать вывод, что руководство политических партий, сформировавших его, не только оказалось неспособным решить указанные проблемы, но даже правильно их поставить.

¹¹⁵ Степин В.С. Философия и образы будущего // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 20.

Смысл создавшейся ситуации поняли их оппоненты – большевики»¹¹⁶. Именно поэтому они и пришли к власти. Кроме того, контрфактический анализ подтверждает: «если бы большевики не взяли власть, то ее взяли бы другие (политические силы – В.Н.), ибо нельзя было не свергнуть Временное правительство, не оправдавшее ожиданий масс... Конечно, если бы Временное правительство пошло навстречу требованиям масс, то, возможно, ситуация изменилась бы»¹¹⁷. Данного мнения придерживаются не только современные ученые, но и сам бывший глава Временного правительства А.Ф. Керенский. Уже в эмиграции он так ответил на вопрос о последствиях заключения сепаратного мира с Германией летом или осенью 1917 г.: «Мы были бы сейчас в Москве»¹¹⁸, т.е. находились у власти.

Первыми попытку военного переворота предприняли в августе 1917 г. «правые» во главе с генералом Л.Г. Корниловым. (Хотя некоторые историки считают, что исходное неудачное «восстание» провели все-таки большевики в начале июля 1917 г.). Временному правительству, при опоре на «левых» и верные ему армейские части, удалось подавить мятеж. Но никаких практических выводов из произошедшего А.Ф. Керенским и его коллегами сделано не было. Требования народных «низов» продолжали игнорироваться. Итог не заставил себя долго ждать. В октябре 1917 г. к власти в России пришла партия большевиков.

Проведенный анализ свидетельствует: любое правительство должно исходить из того, что в «исторических развилках» бесконечно долгое время противиться требованиям социального большинства ему не удастся. В итоге это приведет к отрицательным для самой власти и страны последствиям. Подобная форма «ответа» на «вызов» неприемлема. Она способствует лишь дезорганизации общественных институтов, нарастанию хаоса, а в результате – смене пра-

¹¹⁶ Мурадян А.А. Двудликий Янус. Введение в политологию. М.: Международная педагогическая академия, 1994. С. 266.

¹¹⁷ Гобозов И.А. Введение в философию истории. М.: ТЕИС, 1993. С.142.

¹¹⁸ Мурадян А.А. Цит. соч. С. 267.

вящей элиты на иную, более радикальную. Такой «урок» истории и есть запрет на аналогичные действия в будущем.

Таким образом, использование в рамках синергетики понятия «историческая развилка» дает, на наш взгляд, ученым следующие преимущества при контрфактическом моделировании прошлого:

1. Исторические развилки (в отличие от точек бифуркации) можно выявлять в любых периодах исторического процесса.

2. Исторические развилки соединяют два уровня исследования социальных систем: микро (личности) и макро (общество).

3. Позволяет привлекать для изучения прошлого концепции не только естественных, но и гуманитарных наук (например, модель «вызов – ответ» А. Тойнби).

4. В теории «исторической развилки» преодолевается недопустимость социального прогнозирования, имеющая место при анализе «точек бифуркации». Его можно осуществлять как по аналогии (запрет на определенные «стратегии взаимодействия» в сходных ситуациях), так и путем учета роли ряда случайностей в истории.

5. Сами контрфактические исследования приобретают научную состоятельность, а получаемые в результате их проведения выводы выступают обоснованными. Они, в противоположность мнению И. Пригожина и его сторонников, получают не только теоретический, но и практический смысл.

Итак, рассмотрение путей взаимодействия синергетики и контрфактического анализа исторического процесса, позволяет сделать следующие выводы:

1. В настоящее время имеет место процесс адаптации синергетики к историческому познанию вообще и к контрфактическому моделированию прошлого – в частности.

2. Выдвинутая И. Пригожиным категория «точка бифуркации» в методологическом плане ориентирована преимущественно на естественные науки, изучаемые ими объекты. Поэтому в рамках исторического познания на базе синергетики вырабатываются собственные специфические понятия, адекватные

анализу социальных процессов: «критической точки истории», «высшей точки истории», «сингулярной точки истории».

3. Наибольшим эвристическим потенциалом для контрфактического анализа прошлого обладает понятие «исторической развилки». Его содержательное, теоретическое совершенствование поможет становлению подобных исследований в будущем.

Глава 4. Контрфактические исторические исследования в системе научного и философского познания¹¹⁹

Контрфактические исследования – важнейшее направление современного исторического познания. Так, в России в его рамках выходят антологии, статьи¹²⁰, монографии¹²¹ ученых. Заметный интерес к контрфактическим исследованиям наблюдается и на Западе. Здесь обсуждаются различные потенциальные варианты исторического развития, последствия их реализации на практике¹²².

Контрфактические исторические исследования развиваются не только на эмпирическом, но и на теоретическом уровне. Это выражается в том, что КФИ: 1) прошли длительную эволюцию, составляющую несколько тысяч лет¹²³; 2) имеют специфическую методологию¹²⁴; 3) включают ряд познавательных направлений – «альтернативную историю», «экспериментальную историю», «виртуальную историю», «ретроальтернативистику», «ретропрогностику», «несостоявшуюся историю» и др.¹²⁵.

Однако распространенность, длительное развитие контрфактических исследований не гарантирует отсутствия здесь определенных гносеологических

¹¹⁹ Глава 4 написана на основе статьи: Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования в системе научного познания // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 131 – 140.

¹²⁰ Бестужев – Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // *Вопросы философии*. 1997. № 8; Экштут С.А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт исторического осмысления // *Вопросы философии*. 2000. № 8; Назаретян А.П. Знает ли история сослагательное наклонение? (Мегаисторический взгляд на альтернативные модели) // *Философские науки*. 2005. № 2; Бочаров А.В. Идея альтернативности исторического развития в отечественной историографии // *История мысли. Русская мыслительная традиция*. Вып. 2. М.: Вузовская книга, 2003.

¹²¹ Гуц А.К. Многовариантная история России. М.: АСТ, 2000; Модестов С.А. Бытие несвершившегося. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

¹²² Дуршмид Э. Победы, которых могло не быть. М.: АСТ, 2000; Макси К. Упущенные возможности Гитлера. М.-СПб: АСТ, 2001. 544 с.; А что, если бы? Альтернативная история. М.-СПб: АСТ, 2002; Норт Д. Наполеоновские войны. Что, если? М.; СПб: АСТ, 2002; Пламя «холодной войны»: Победы, которых не было. М.: АСТ, 2004; Победы Третьего рейха: альтернативная история Второй мировой войны. М.: АСТ, 2005; Даунинг Д. Московский выбор. Альтернативная история Второй мировой войны. М.: АСТ, 2006.

¹²³ См.: Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования: генезис, методология. М.: МАКС Пресс, 2006.

¹²⁴ См.: Гуц А.К. Цит. соч.; Модестов С.А. Цит. соч.; Нехамкин В.А. Цит. соч.

¹²⁵ Бочаров А.В. Цит. соч. С. 150.

проблем¹²⁶. По моему мнению, в настоящее время главной среди них является следующая: в рамках какой из гуманитарных дисциплин надо проводить контрфактические исследования? Одни ученые отводят эту роль исторической науке или философии истории. Другие – вообще выводят данные исследования за пределы научного познания: в художественную литературу. Рассмотрим подробно каждую из данных позиций, выскажем собственное мнение относительно возникшей проблемы.

Логика ученых, считающих, что контрфактические исследования должны осуществляться в исторической науке, базируется на следующих аргументах. Историческая наука изучает прошлое. В контрфактических исследованиях оно мысленно изменяется специалистом, выявляются последствия этого. Но в обоих случаях речь идет о едином предмете: прошлом. Значит, контрфактические исследования должны проводиться в исторической науке. Тем более что это позволит извлечь из минувшего определенную полезную информацию, «уроки», в интересах настоящего. Такую позицию можно найти, например, у римского историка Тита Ливия: «Ничто, кажется, не было мне так чуждо, когда я начал этот труд, как желание отступить от изложения событий по порядку и расщеплять свое сочинение всевозможными отступлениями, чтобы доставить приятные развлечения читателю и дать отдых своей душе; *но при одном упоминании о столь великом царе и полководце во мне вновь оживают те мысли, что тайне не раз волновали мой ум, и хочется представить себе, какой исход могла бы иметь для римского государства война с Александром (Македонским, курсив мой – В.Н.)*»¹²⁷.

¹²⁶Укажем на их далеко не полный перечень. Каков предмет контрфактических исследований? Есть ли у них объективные (онтологические) основания? Возможно ли создание универсальной методологии контрфактических исследований? Следует ли пытаться объединить некоторые из направлений контрфактических исследований в единую систему или они должны оставаться независимыми друг от друга? Можно ли в рамках контрфактических исследований получить научно обоснованные знания? «Является ли поиск ответов на вопросы такого рода (что было бы, если? – В.Н.) всего лишь досужим развлечением, или они все же представляют серьезный интерес для общественных наук?» (Назаретян А.П. Цит. соч. С.7). Данные проблемы возникли объективно, поэтому, на мой взгляд, обязательно рано или поздно найдут свое решение.

¹²⁷ Тит Ливий. История Рима от основания Города. В 3 т. Т.1. М.: Ладомир, 2002. С. 516-517.

Подобное мнение имело место не только в античности. В последнее десятилетие XX в. некоторые ученые активно «реанимировали» данную позицию. Так, авторы первого российского учебника по «Истории Отечества» торжественно сообщали школьникам: «сегодня историки отказались от тезиса, что «история не имеет сослагательного наклонения»¹²⁸. Это означало, что в рамках исторической науки необходимо изучать и различные потенциальные варианты, объективно имевшие место в прошлом. Из данного тезиса вытекали следующие важные выводы. Первый: «не убывающее количество работ, связанных с проблематикой альтернативности, показывает, что она прочно вошла в дискурс и практику исторической науки»¹²⁹. Второй: «возможность моделировать исторический процесс, ... заново проигрывая ту или иную ситуацию и обсуждая события, которые могли бы произойти, однако в действительности не произошли, – определяет ... методологическую специфику исторической науки»¹³⁰. Соответственно, по мнению ряда ученых, контрфактические исследования должны проводиться в рамках исторической науки, служить в ней важнейшим средством познания прошлого.

Однако здесь появляется существенная трудность. Как отмечал французский историк М. Блок, «прошлое, по определению, есть некая данность, которую ничто не властно изменить»¹³¹. Если нарушить этот запрет, то ученый автоматически выходит за пределы исторической науки. Он начинает изучать не произошедшее на самом деле прошлое, а какое-то иное, искусственно сконструированное. В итоге возникает противоречивая ситуация. С одной стороны, контрфактические исследования несовместимы с предметом исторической науки. С другой стороны, проводить их в ее рамках необходимо.

Можно ли найти выход из сложившегося положения? Ряд ученых видят его в том, что контрфактический анализ прошлого в исторической науке возможен, но в существенно ограниченной форме. Необходимо только «показать и

¹²⁸ История Отечества. Учебник для 11 класса средней школы /Островский В.А., Старцев В.И., Старков Б.А., Смирнов Г.М. М.: Просвещение, 1992. С. 282.

¹²⁹ Бочаров А.В. Цит. соч. С. 166.

¹³⁰ Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 34.

¹³¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 35.

доказать, что другой (альтернативный действительному – В.Н.) вариант был возможен»¹³², объяснить почему он не реализовался на практике. Далее ничего делать не следует. Ибо как только мы начинаем раскрывать содержание неосуществившегося, создается «новый вариант того, что уже произошло», имеет место «попытка «переиграть» события прошлого». «Подобные спекуляции весьма привлекательны и соблазнительны, но запретны для историков». Следуя такой позиции, например, целесообразно поставить вопрос: «был ли возможен в 1939–1941 гг. военно-политический союз СССР, Германии и Японии ...против ...блока США, Великобритании и их сателлитов?»¹³³. Здесь анализ завершается. Так, в случае положительного ответа, нельзя (оставаясь в научном поле рассуждений) описывать, как конкретно могли развиваться исторические события при образовании данных альянсов.

Разумеется, последовательно проводить такую позицию в жизнь у ученых-историков (и не только их), как правило, не получается. Они неизбежно начинают описывать потенциальное прошлое. В результате опять складывается противоречивая и парадоксальная в методологическом плане ситуация: «...вслед за утверждением о недопустимости сослагательного наклонения в истории очень часто звучат рассуждения именно в сослагательном наклонении»¹³⁴. «Историки-традиционалисты упоминают варианты типа «что если» лишь мельком. «Размышлять, что было бы – есть занятие бесплодное», – говорят они и далее нехотя посвящают пару абзацев именно этому»¹³⁵.

Получается, что проводить контрфактические исследования в исторической науке одновременно и можно и ... запрещено. Такое положение противоречит не только известному еще Аристотелю закону формальной логики («исключенного третьего»), но и здравому смыслу. Однако, несмотря на это, данная тенденция проявляется в работах отечественных и зарубежных ученых. Так, видный российский историк XIX в. С.М. Соловьев писал: «Предположим, что

¹³² Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио. М.: Вече, 2004. С. 8.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Бочаров А.В. Цит. соч. С. 150.

¹³⁵ Даунинг Д. Московский выбор. Альтернативная история Второй мировой войны. М.: АСТ, 2006. С. 6.

вместо православия был бы в России католицизм; конечно, *историк* (курсив мой – В.Н.) не имеет права толковать о том, что бы из того произошло». Однако обращает на себя внимание своеобразная логика ученого. С.М. Соловьев допускает, что минувшее могло быть «иным». Затем сомневается, заявляет, что подобные гипотезы для историка неприемлемы. В конечном итоге же начинает рассуждать о том, что могло бы быть. «Но он (историк – В.Н.) имеет право сказать (? – В.Н.), что могли бы произойти такие явления, которым помешало одно только православие, а именно только одно православие помешало Владиславу стать царем в 1612 году и ополчить Московское государство»¹³⁶. Общий вывод С.М. Соловьева парадоксален: с одной стороны, контрфактические исследования в исторической науке неприемлемы. С другой стороны, их можно иногда осуществлять.

Подобная позиция сохранилась и в XX в. Так, А.В. Гулыга начинает анализ конкретной исторической ситуации со следующих рассуждений. «Что было бы, не начни Юрий Московский (в XV в.–В.Н.) борьбы против Твери? ...От малого, ... незначительного события, как решение московского военачальника Протасия, готового переметнуться к Михаилу (правителю Тверского княжества – В.Н.), могли произойти великие перемены. В случае поражения Москвы могла бы укрепиться торговая и книжная Тверь». Однако он, как бы испугавшись, тут же делает из сказанного прямо противоположный вывод: «...Суждения типа «если бы, да кабы» – не для историка. История – не гадание по поводу утраченных возможностей. Это... – рассказ, оценка и объяснение»¹³⁷. В итоге из утверждений А.В. Гулыги становится совершенно непонятно: в какой роли выступает он сам, проводя контрфактические исследования? Если историку это делать нельзя, то, как называть описывающего потенциальное прошлое ученого? По академической специальности А.В. Гулыга – прекрасный философ, историк философии, переводчик философских текстов, но получается, что он еще по совместительству и ... прорицатель!

¹³⁶ Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов. М.: АСТ, 2003. С. 271.

¹³⁷ Гулыга А.В. Искусство истории. М.: Современник, 1980. С. 215; 216.

У некоторых специалистов (почти как в известной басне И.А. Крылова) стремление соединить в одной упряжке «лебедя, рака и щуку» (одновременно отрицать контрфактические исследования в исторической науке и на практике проводить их в рамках данной дисциплины) принимает совершенно гротескные формы. Так, М.И. Будыко в одной книге сначала утверждает: «Обсуждение возможного влияния на историю ... неосуществившихся событий – занятие почти бесплодное из-за исключительной сложности взаимной связи различных компонентов исторического процесса»¹³⁸. И несколько страниц спустя заключает: если бы жизнь Александра Македонского «продлилась хотя бы на десять лет», то имело бы место «... большее культурное единство Европы по сравнению с известными нам результатами ее исторического развития»¹³⁹. Комментарии к данному утверждению, как говорится, излишни!

Еще более любопытна позиция по данному вопросу зарубежного ученого В. Дженнера. Он начинает с рассуждения: «Представьте себе, как бы развивался Китай, если индийские и центральноазиатские миссионеры в IV и V веках нашей эры убедили своих ...обращенных (китайцев – В.Н.) использовать фонетическое письмо, производное от индийского шрифта...Рядом с высокой культурой могли бы тогда возникнуть другие письменные языки...Появились бы национальные государства с различными местными культурами..., которым пришлось бы завоевывать приверженность своих поданных ...с помощью конституционных соглашений». Но делает затем очень «логичный» вывод: «есть важные вопросы, на которые *практически* (курсив мой – В.Н.) невозможно ответить, как на все исторические вопросы типа «что было бы, если...»¹⁴⁰. Из подобного умозаключения остается совершенно не ясным: чем В.Дженнер занимался до того? Неужели он «практически» не отвечал на вопрос: «что могло произойти, если бы в Китае V в. стало применяться фонетическое письмо»? Если В. Дженнер этого не понимает, то он подобен главному герою пьесы Ж.Б.

¹³⁸ Будыко М.И. Эпизоды истории: Очерки. СПб: Наука, 2001. С. 97.

¹³⁹ Там же. С. 100–101.

¹⁴⁰ Jenner W.J.F. The Tyranny of History: the Roots of China's crisis. London: Allen Lane /Penguin Press, 1992. P. 226.

Мольера «Мещанин во дворянстве» господину Журдену, который лишь в конце жизни узнал, что «говорит прозой»! Это – далеко не лучшее положение для любого исследователя!

Какова главная причина всех этих противоречий, воспроизводящихся у многих ученых? По моему мнению, она кроется в фатализме традиционного исторического познания, состоящем в признании абсолютной константности (неизменности) известного нам прошлого. Отсюда, как отмечал Ю.М. Лотман, даже «историк, «предсказывающий назад» (занимающийся контрфактическими исследованиями – В.Н.) ..., «снимает» неопределенность: то, что не произошло *de facto*, для него и не могло произойти»¹⁴¹. Эта методологическая установка и мешает ученым беспрепятственно изучать потенциальное прошлое в рамках данной дисциплины.

В результате сформировалась (мягко говоря!) *своеобразная* позиция (на эмпирическом уровне познания контрфактические исследования – приемлемы, на теоретическом – нет), которая не дает однозначного ответа на вопрос: надо ли осуществлять эти исследования в исторической науке? Однако объективно она прокладывает дорогу для господства мнения о том, что проводить контрфактические исследования в рамках данной дисциплины не имеет смысла.

Ряд ученых выступают категорически против проведения контрфактических исследований в рамках исторической науки. Их аргумент: историческая наука описывает реально свершившееся прошлое. Если мысленно изменить его, то происходит определенное искажение минувшего. Значит, проводить такую операцию нельзя. Историческая наука обязана раскрыть только происшедшее на самом деле, в действительности. Так, уже античный философ Лукиан из Самосаты утверждал: «Если бы Фукидид мог исправить несчастья, умолчав или рассказав обратное, – ему ничего не стоило бы легким движением пера разрушить вражеское укрепление в Эпиолах, потопить триеру Гемократа, убить проклятого Гилипа и ... сиракузян отправить в каменоломни, а афинянам дать возможность обогнуть Сицилию и Италию согласно первоначальным планам

¹⁴¹ Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 362.

Алкивиада. *Но, я думаю, то, что совершилось, даже Клото не может уже восстановить или Антропос изменить. Итак, единственное дело историка – рассказать все так, как оно было* (курсив мой – В.Н.)»¹⁴². С Лукианом согласен современный ученый И. Бестужев-Лада: «При любом уровне полета своей фантазии историк – если он выступает как историк – не может игнорировать такие фундаментальные факты, как Бородинская битва (1812 г.–В.Н.), сдача и пожар Москвы, гибель «Великой армии» Наполеона и т.д.»¹⁴³.

Таким образом, по мнению большинства ученых, контрфактические исследования противоречат предмету исторической науки. Значит, проводить их в ее рамках нельзя: «Просчитывать возможные, но не реализованные последствия других (неосуществившихся – В.Н.) вариантов и их проявления – не дело историка»¹⁴⁴. Но другой гуманитарной науки, специально изучающей прошлое людей, просто нет. Отсюда возникает логичный вопрос: где же их тогда осуществлять? На него тоже был дан определенный ответ: контрфактические исследования следует проводить в художественной литературе.

Впервые эту мысль сформулировал еще Аристотель в работе «Поэтика»: «Задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости. Ибо историк и поэт различаются ... тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия *философичнее и серьезнее истории* (курсив мой – В.Н.), ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном. Общее есть то, что по необходимости или *вероятности* (курсив мой – В.Н.) такому - то [характеру] подобает говорить или делать то-то; это стремится доказать поэзия, давая [героям вымышленные] имена. А единичное – это, например, что сделал или претерпел Алкивиад»¹⁴⁵. Обратим внимание: поэзия, где можно

¹⁴² Лукиан из Самосаты. Избранное. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 418.

¹⁴³ Бестужев – Лада И.В. Цит. соч. С.117.

¹⁴⁴ Сахаров А.М. Методология истории и историография (Статьи и выступления). М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1981. С. 64.

¹⁴⁵ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 655.

проводить контрфактические исследования, стоит выше («философичнее и серьезнее») традиционной исторической науки.

Будущее подтвердило данный вывод: за прошедшее после Аристотеля время появилось немало художественных произведений, посвященных анализу потенциального прошлого. Если даже (вслед за Д. Нормом) начинать их отсчет с 1836 г., когда был опубликован роман Л.Н. Жиффруа-Шато «Наполеон и завоевание мира, 1812-1823: история всемирной монархии», то и тогда Альтернативной истории «уже более ста пятидесяти лет»¹⁴⁶. Только за этот период вышел не один десяток рассказов, романов, эссе, основанных на подобной тематике.

В теоретическом плане осуществление контрфактических исследований в рамках художественной литературы имеет определенные позитивные последствия:

1. Здесь свободно извлекаются «уроки» из прошлого.

2. У писателя есть полная свобода творчества: «автор исторического романа (или другого произведения – В.Н.) с помощью воображения создает свой материал»¹⁴⁷. Он не скован никакими запретами при анализе потенциального прошлого. Соответственно, теоретический вопрос: «возможна ли история в сослагательном наклонении?» в художественной литературе просто снимается. Писатель, как правило, сразу переходит к раскрытию содержания потенциального прошлого, его конкретизации.

3. В рамках художественной литературы рассматриваются альтернативные варианты исторического развития, на анализ которых в силу различных причин (отсутствие достоверной информации, методологического инструментария и т.д.) не решается традиционное историческое познание. Дело в том, что последнее крайне ограничено в изучении данного объекта. В настоящее время, как справедливо указывает М. Левандовский, «...наша методика годится лишь для исследований современности и позднего Нового Времени. А все размыш-

¹⁴⁶ Норт Д. Цит. соч. С. 10.

¹⁴⁷ Стоун Л. Будущее истории // THESIS. 1994. № 4. С. 169.

ления на тему «а что, если бы?», относящиеся к более ранним эпохам, – это не более чем изящная интеллектуальная забава»¹⁴⁸. Существующие в современном научном контрфактическом анализе пробелы и заполняет художественная литература. Причем, среди ее создателей можно встретить не только писателей, но и ...профессиональных ученых. Например, знаменитый историк А. Тойнби создал эссе «Если бы Александр не умер тогда...»¹⁴⁹, посвященное изучению последствий продления жизни выдающегося военачальника Древнего мира Александра Македонского.

На первый взгляд, при анализе сложившейся ситуации может показаться, что все идет прекрасно: никто не мешает писателям свободно рассуждать на любые темы, приходиться к совершенно любым выводам. Значит, контрфактические исторические исследования должны осуществляться в художественной литературе! Но это – иллюзия. Целесообразность их проведения в рамках художественной литературы тоже может быть поставлена под сомнение по следующим причинам.

1. Осуществляемые здесь контрфактические исторические исследования начинают восприниматься учеными как сугубо несерьезное, антинаучное занятие. Их объявляют «забавой» (М. Левандовский), «интеллектуальной игрой» (К. Королев), проводимой «в последние десятилетия ... в ... исторической (!? – В.Н.) литературе»¹⁵⁰.

2. Складывается впечатление, что изучение потенциального прошлого базируется исключительно на фантазиях писателей. Получается, что в рамках такого подхода «мечтатель выбирает и произвольно устраняет факт (может быть, неотделимый от данной совокупности), воображает то, что должно было бы произойти, старается вдаваться в детали этой фантазии»¹⁵¹.

¹⁴⁸ Цит. по: Юзефович Г. Сад расходящихся тропок // Еженедельный журнал. 2002. № 10. С. 65.

¹⁴⁹ Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда ...// Знание-сила. 1979. № 12.

¹⁵⁰ Цит. по: Пламя «холодной войны»: Победы, которых не было. М.: АСТ, 2004. С. 5.

¹⁵¹ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.: ПЕРСЭ; СПб: Университетская книга, 2000. С. 372.

3. У проводимых в рамках художественной литературы контрфактических исследований часто полностью отсутствует или сведена к минимуму научная методология при реконструкции потенциального прошлого.

4. Имеет место недостоверность результатов анализа.

В итоге (за редкими исключениями) контрфактические исследования, осуществляемые в художественной литературе, тоже выступают как весьма далекие от науки (хотя их и можно, как показано в главе 2, доработать до соответствующего уровня). Поэтому поиск сферы проведения данных исследований продолжался. Трудность состояла в том, что она должна была отвечать двум взаимоисключающим требованиям. Одновременно формально находиться за пределами научного познания и соответствовать его базовым критериям: объективности, рациональности, интерсубъективности, системности и др. Данная задача была решена следующим образом: контрфактические исследования необходимо осуществлять в рамках философии истории.

В пользу данной позиции (развиваемой И. Бестужевым-Ладой, Н. Розовым и другими учеными) можно привести следующие аргументы:

1. В философии истории допустимо изменение и даже абстрагирование от эмпирических фактов прошлого. Это снимает главное препятствие на пути проведения данных исследований, которое оказывается непреодолимым в традиционной исторической науке. «Философ истории ... может допустить наличие или отсутствие чисто виртуальных фактов, лишь бы это не выходило за пределы реально возможного»¹⁵².

2. Здесь имеет смысл создать «основной сценарий «что, если бы» в приложении к ситуациям реального мира, например: что, если бы Гитлер не пришел к власти в Германии... Каков был бы статус Японии и Италии в 1940-е гг.»¹⁵³. Тем самым в философии истории появляется возможность не только фиксировать изменения, но и описывать потенциальное прошлое. Значит, ре-

¹⁵² Бестужев – Лада И.В. Цит. соч. С.117.

¹⁵³ Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002. С. 15.

зультаты исследования становятся воспроизводимыми, что отвечает одному из критериев научности.

3. Философия истории дает возможность беспрепятственно извлекать «уроки» из прошлого. В традиционной исторической науке сделать это крайне затруднительно. Ведь «если то или иное событие могло произойти только так, как произошло – то какой отсюда урок? Например, если дикие злодеяния Грозного или Сталина, дикий волонтаризм Петра III, Павла I или Хрущева не имели никаких реальных альтернатив, – то какие отсюда можно вывести уроки, кроме тех, что если появятся новые Сталин или Хрущев, то новых злодеяний или волонтаризма все равно не избежать?»¹⁵⁴.

4. Философия (как область знания) находится «над» конкретными науками. Это обстоятельство приводит к двум позитивным последствиям. С одной стороны, в философии не действует запрет на контрфактические исследования, существующий (для некоторых ученых) в исторической науке. С другой стороны, философия истории имеет собственную, специфическую (и апробирует взятую из других гуманитарных дисциплин) методологию. Следовательно, здесь изучение потенциального прошлого выступает научно обоснованным.

Однако с целесообразностью проведения контрфактических исследований в рамках философии истории тоже можно не согласиться по следующим причинам.

1. Предмет философии истории – «вопрос об объективных закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса, о путях реализации человеческих сущностных сил в истории, о возможностях обретения общечеловеческого единства»¹⁵⁵. Благодаря этому, здесь (за время ее эволюции) сложился специфический круг решаемых проблем. Это: а) смысл (цель, направленность) исторического процесса; б) доказательство существования (отсутствия) законов истории; в) установление движущих сил исторического развития; г) выявление оптимальной (универсальной) периодизации исторического

¹⁵⁴ Бестужев – Лада И.В. Цит. соч. С.113.

¹⁵⁵ Философия истории. Учебное пособие. Под ред. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 2001. С. 8.

процесса; д) поиск методологических оснований анализа исторического процесса; е) определение места какой-либо страны (или человечества в целом) в истории.

Конечно, можно чисто «механически» добавить сюда еще одну: заявив, что философия истории «открывает имеющиеся в истории альтернативы»¹⁵⁶. Но как адекватно с научной точки зрения (а не волонтаристским образом) вписать в нее контрфактические исследования прошлого остается не ясным. По крайней мере, сделано это будет не скоро. Тем более что далеко не все ученые (и философы) будут «рады» видеть в философии истории такую область анализа, связанную с ним проблематику.

2. Даже в рамках философии истории статус контрфактических исследований остается неопределенным. Вопрос: «научны они или нет?» продолжает быть открытым.

Подведем итоги. Во-первых, поскольку контрфактические исследования не могут проводиться (без серьезных противоречий гносеологического характера) в рамках исторической науки (опирающейся на фактическое знание прошлого), они переносятся некоторыми учеными вообще за пределы научного знания: в художественную литературу (поэзию), философию истории. Во-вторых, для сохранения достоверности, гарантии получения здесь позитивных результатов (реконструкций потенциального прошлого, создания его сценариев, извлечения из минувшего «уроков») от данных исследований требуют оставаться научными. Что же делать? Существует ли выход из сложившегося тупикового положения?

По моему мнению, для преодоления возникшего противоречия необходимо признать: контрфактические исследования прошлого – междисциплинарное направление научного анализа. В пользу этого тезиса целесообразно привести следующие аргументы.

1. Контрфактические исследования находятся на стыке ряда естественных и гуманитарных наук: математики, физики, истории, экономики, философии,

¹⁵⁶ Там же. С. 9.

антропологии, психологии, социологии и т.д. Так, Р.Фогель поставил вопрос: как развивалась бы экономика США XIX в. при отсутствии в этой стране железных дорог¹⁵⁷? Для научно обоснованного ответа на него ученому пришлось привлечь данные не только собственно исторической науки, но и ряда иных дисциплин: экономической теории, социологии, статистики, осуществить математическое моделирование реальных и потенциальных социальных процессов. Значит, контрфактические исследования носят междисциплинарный характер.

2. Междисциплинарные направления научного познания обладают особым свойством: они «выступают как «порождающие» массу других, более частных исследований»¹⁵⁸. Контрфактические исследования прошлого полностью отвечают данному критерию. Так, если начать проводить контрфактический анализ отдельных исторических личностей, то это будет стимулировать исследования по следующим направлениям. Что могло случиться, если бы Александр Македонский прожил дольше отпущенных ему судьбой 34 лет (А. Тойнби, М. Будыко и др.)? Как развивалась бы Римская империя, если бы в гражданских войнах середины I в. до н.э. склонного к диктатуре Гая Юлия Цезаря победил симпатизировавший республиканцам Гней Помпей (Р. Виппер)? Произошло ли бы объединение Германии в середине XIX в. столь быстрыми темпами, если бы вместо О. Бисмарка ее канцлером оказался другой человек (М. Вебер)? По какому пути могло пойти развитие СССР в середине XX в., если бы место умершего в 1953 г. Сталина получил не Н. Хрущев, а Л. Берия (А. Назаретян)? «Как бы развивалась страна (СССР – В.Н.), если бы Андропову (ставшему генсеком КПСС в 1982 г. и умершему в 1984 г. – В.Н.) удалось еще в течение нескольких лет проводить свой новый курс?»¹⁵⁹. Произошла ли бы перестройка с ее катастрофическими для СССР последствиями, если бы в 1985 г.

¹⁵⁷ Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1964.

¹⁵⁸ Сачков Ю.В. Научный метод. Вопросы и развитие. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 111.

¹⁵⁹ Дроздов Ю.И., Фартышев В.И. Юрий Андропов и Владимир Путин. На пути к возрождению. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 5.

руководителем КПСС стал не М.С. Горбачев, а другой член Политбюро (А. Назаретян)?

Количество данных направлений постоянно растет, ибо ученые стремятся к изучению потенциальных действий исторических личностей не только в ближайшем к нам (XIX–XX вв.), но и в более отдаленном прошлом (античность, Средние века). Эта тенденция (в силу разнообразия самих эмпирических объектов), по моему мнению, обязательно сохраниться в дальнейшем.

Ряд «частных исследований» порождает и контрфактический анализ отдельного исторического события. Так, в отношении войны 1805 г. (между Францией – с одной стороны и Россией в союзе с Австрийской империей – с другой) они могут, с точки зрения А.Хорна, проводиться по следующим направлениям:

«Что, если бы ...русская армия успела соединиться с австрийским генералом Маком до разгрома последнего при Ульме?

Что, если бы Россия вступила в войну раньше и русские полки атаковали растянутые фланги Наполеона...?

Что, если бы под Аустерлицем русский генерал Кутузов не принял решающего сражения, а применил тактику, принесшую ему успех в 1812 г...»¹⁶⁰. Каждое из данных исследований тоже будет носить контрфактический характер.

Дает ряд «частных исследований» и контрфактический анализ факторов исторического процесса. Так, Р. Фогель и С. Энгерман в работе «Время на кресте» (1974 г.) изучали последствия того, что могло случиться, если бы в США (при отсутствии Гражданской войны 1861–1865 гг.) до конца XIX в. сохранился институт рабства. Ученым, для решения главной проблемы, пришлось осуществить ряд «частных исследований». Они проводились по следующим направлениям: 1) какая цена на рабов (и почему) имела бы место в 1890 г.; 2) могло ли бы рабство на равных конкурировать со «свободным трудом», распространенным в северных штатах США; 3) являлось ли оно экономически «более эффек-

¹⁶⁰ А что, если бы? Альтернативная история. М.-СПб: АСТ, 2002. С. 300.

тивным, чем способ производства в северных штатах, основанный на свободном труде»¹⁶¹.

Таким образом, каждое контрфактическое исследование обязательно стимулирует эмпирический анализ по ряду конкретных направлений. Поэтому оно выступает как междисциплинарное.

3. Контрфактические исследования находятся на стыке научного и ненаучного (художественная литература) знания. Не случайно некоторые современные специалисты считают, что они – «странный жанр», лежащий «между строгой наукой и фантастической литературой»¹⁶². Это – факт. Как к нему относиться? Одни ученые стараются жестко «отгородиться» (путем создания системы различных запретов) от контрфактического анализа, проводимого в художественной литературе. Так, они, по словам Р. Коули, должны постоянно опасаться (и отказываться от изучения) «слишком вольных фантастических допущений (к примеру, что могло бы случиться, будь у Ганнибала водородная бомба или у Наполеона бомбардировщики - невидимки). Правдоподобие – вот ключевое слово ко всему»¹⁶³. Сходного мнения придерживается И. Бестужев – Лада: «Недопустимо использование в 1812 г. пулеметов, танков, самолетов, но вполне можно представить варианты этой войны (России и Франции – В.Н.) без Бородин и оставления Москвы»¹⁶⁴.

По моему мнению, такой подход недостаточен. Его необходимо дополнить и другим, согласно которому ученый «должен пытаться улучшить концепции, которые потерпели поражение в соревновании (с другими теориями – В.Н.), а не отбрасывать их»¹⁶⁵. Это значит, что далеко не все ирреальные предположения, сценарии потенциального прошлого надо обязательно элиминировать, признавать чистой «фантастикой». В рамках научного анализа возникает возможность скорректировать, сделать некоторые из них приемлемыми с точки

¹⁶¹ Ладюри Э.Л. Застывшая история // THESIS. 1993. № 2. С. 159.

¹⁶² А что, если бы? Альтернативная история. М.-СПб: АСТ, 2002. С. 603.

¹⁶³ Там же. С. 9.

¹⁶⁴ Бестужев – Лада И.В. Цит. соч. С.117.

¹⁶⁵ Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания. Благовещенск: БГК, 1998. С. 33.

зрения науки, отвечающими ее требованиям. Так, у Германии и в 1945 г. не было ядерного оружия. Отсюда предположение, что оно появилось на вооружении вермахта в 1944 г. следует признать абсолютно ирреальным, не соответствующим действительности. На первый взгляд, кажется, что ученый анализом такой («неправдоподобной») гипотезы заниматься не должен. Это – задача художественной литературы.

Однако данное допущение можно подвергнуть корректировке. Дело в том, что при совпадении ряда реальных факторов (прежде всего – изменении отношения нацистского руководства страны к данному вопросу в 1941–1943 гг.) немцы смогли бы сделать атомную бомбу. Более того, нет сомнения, что А. Гитлер обязательно применил бы ее против своих противников во II Мировой войне: Великобритании и СССР. Поэтому данное ирреальное (с фактической стороны) предположение может быть признано в принципе не противоречащим действительности, а на его основе (как сделал Ф. Линдси) построено в принципе адекватное с точки зрения научного познания (хотя и не лишенное недостатков, отмеченных в главе 2) описание потенциального прошлого¹⁶⁶.

Таким образом, контрфактические исследования – междисциплинарные и потому, что находятся на стыке науки и художественной литературы. Но формой их взаимоотношений, на мой взгляд, должно стать позитивное сотрудничество, а не взаимное неприятие. Средствами науки часто можно доработать, усовершенствовать контрфактический анализ, проводимый в художественной литературе, сделать его результаты достоверными.

4. Контрфактические исследования активно заимствуют методологию из других междисциплинарных направлений научного познания, в качестве которых «не так давно рассматривались общая теория систем и кибернетика, а ныне – синергетика»¹⁶⁷. Так, из синергетики (как показано в главе 3) они берут модель «точки бифуркации», адаптируя ее к специфике собственного предмета (через понятие «исторической развилки» или иные категории). Из кибернетики

¹⁶⁶ Победы Третьего рейха: альтернативная история Второй мировой войны. М.: АСТ, 2005. С. 312-336.

¹⁶⁷ Сачков Ю.В. Научный метод. Вопросы и развитие. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 111.

– представление о виртуальных объектах и их характеристиках. Из теории систем – понимание необходимости рассмотрения в единстве различных объектов: личностей, событий, факторов исторического процесса. Следовательно, контрфактические исследования, использующие средства анализа из иных междисциплинарных направлений, сами являются междисциплинарными.

5. Междисциплинарный характер контрфактических исследований проявляется и в их функциях¹⁶⁸. К ним относятся: 1) мировоззренческая (расширяет наши знания о прошлом); 2) методологическая (раскрывает новые средства исследования исторического процесса); 3) прагматическая (позволяет извлекать из прошлого полезные в интересах настоящего и будущего «уроки»); 4) прогностическая (дает возможность прогнозировать историческое развитие). Каждая из данных функций выполняет особые, универсальные задачи, выходящие за пределы не только какой-либо конкретной науки, но и собственно исторического познания.

Итак, на основании проведенного анализа целесообразно сделать следующие выводы:

1. Контрфактические исследования бесполезно и бесперспективно привязывать как к одной конкретной науке (истории), так и выводить их вообще за пределы научного познания (в художественную литературу, философию истории).

2. Контрфактические исследования прошлого – междисциплинарное направление научного познания. В этом качестве они имеют существенный, постоянно увеличивающийся эвристический потенциал.

¹⁶⁸ Нехамкин В.А. Проблема сослагательного наклонения в научном познании: сущность и функции // Alma Mater (Вестник Высшей школы). 2003. № 6. С. 40–42.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе подробно рассмотрены КФИ и осуществляемое на их основе моделирование потенциального прошлого. В главе 1 автор раскрыл собственный вариант их методологии (включающий систему выдвижения альтернативных гипотез, создания сценариев, способов их проверки и т.д.). В главе 2 показан широкий спектр источников контрфактического моделирования прошлого (чем наглядно опровергается мнение об их принципиальной «фантастичности»). Обоснован тезис, что большинство из выявленных источников (независимо от происхождения – из науки он, философии истории, или художественной литературы) могут давать достоверные контрфактические сценарии в случае соответствующей методологической доработки средствами КФИ. В главе 3 автор показал, что синергетика в ее первоначальном виде (модель «точки бифуркации») не во всем методологически соответствует требованиям КФИ, ибо ориентирована больше на естественные науки. Отсюда для моделирования потенциального прошлого наиболее подходит теоретическая конструкция «исторической развилки», имеющая значительно больший эвристический потенциал, отвечающая требованиям гуманитарных наук. В главе 4 автор дал специфический ответ на вопрос о степени научности КФИ. На мой взгляд, они научны (при строгом следовании соответствующей методологии) и не могут быть сведены к какой-либо конкретной из ныне имеющих дисциплин (исторической науке, философии истории), ибо носят междисциплинарный характер.

Укажу и на перспективы развития контрфактических исследований и системы моделирования потенциального прошлого. Их можно обобщить в следующих положениях.

1. Необходимо продолжить процесс синтеза различных направлений КФИ: «гипотетической истории», «криптоистории», «ретропрогностики», «несостоявшейся истории», «контрфактического моделирования», «контрфактической истории» и т.д.

2. КФИ должны изучаться исходя из их собственной логики развития, методологии и т.д., а не спекулятивно, т.е. путем их интерпретации с позиции ка-

кой-либо философской теории (например, концепции соотношения возможности и действительности), или междисциплинарного направления научных исследований (например, синергетики).

3. В настоящее время в КФИ назрела необходимость и активно проводится моделирование потенциального прошлого на двух уровнях (задаваемых эмпирически): персоналистском и событийном. Автор выявил существующие и предложил собственные методы выдвижения альтернативных гипотез на каждом из них. Однако назрела необходимость формирования и третьего: факторального уровня, где изучались (формулировались) бы альтернативные предположения относительно факторов исторического процесса. Такой подход полезен хотя бы тем, что переведет КФИ и моделирование потенциального прошлого уже на сугубо теоретический уровень анализа и даст много новой информации.

4. В рамках КФИ обладает существенным эвристическим потенциалом развиваемая в синергетике модель «точки бифуркации». Однако она нуждается в корректировке по ряду направлений. Во-первых, необходим уход от бинарности в сторону поливариантности при оценке внутреннего содержания подобных точек (в этом отношении выглядит позитивным предложение А.П. Назаретяна называть такие состояния «точками полифуркации»). Во-вторых, должен быть «гуманитаризирован» категориальный аппарат данной модели, из которого следует в перспективе удалить «хаотические аттракторы» и тому подобные понятия, сформировавшиеся в естественных науках, заменив их более адекватными. (В данной связи интересен процесс создания особого направления исследований – социальной синергетики¹⁶⁹. Однако взаимодействие последней с КФИ – тема отдельного разговора). В-третьих, придется преодолеть выдвинутый в синергетике И. Пригожина тезис о непредсказуемости развития в точке бифуркации. На мой взгляд, он «ограниченно годен» при познании исторического процесса.

¹⁶⁹ Баранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6. С. 117-127.

5. Целесообразно продолжить исследования по выявлению генезиса, этапов развития КФИ в России и за ее пределами. Конечно, выходят отдельные работы¹⁷⁰ в данном направлении. Однако, к сожалению, пока до создания целостной картины эволюции КФИ еще далеко.

6. В настоящее время КФИ охватывают преимущественно три сферы исторического познания: экономическую, военную, политическую историю. Однако их надо перевести в иные области изучения прошлого. Это требует создания универсальной методологии КФИ.

7. Дискуссионным выступает вопрос о статусе КФИ в системе научного познания. Уже Аристотелю и Лукиану из Самосаты было ясно, что они не могут проводиться в рамках исторической науки. Конечно, обладают определенным эвристическим потенциалом попытки привязать область моделирования потенциальных вариантов прошлого к философии истории, на которых настаивает И.В.Бестужев-Лада (см. главу 4). На мой взгляд, КФИ целесообразно признать междисциплинарным направлением научных исследований, подобно системному подходу, синергетике и т.д.

8. Необходимы учебные пособия, посвященные КФИ, отражающие историю их становления и методологию. Такой подход тоже сделает моделирование потенциального прошлого более адекватным науке.

¹⁷⁰Бочаров А.В. Идея альтернативности исторического развития в отечественной историографии // История мысли. Русская мыслительная традиция: 2. М.: Вузовская книга, 2003. С. 149-166; Нехамкин В.А. Контрфактические исследования в историческом познании: генезис, методология: Монография. М.: МАКС Пресс, 2006; *Он же*. Контрфактическое моделирование исторического развития в отечественном гуманитарном познании XVII-XX вв. // История мысли. Русская мыслительная традиция. 2009. Вып. 5. С. 93–112; *Он же*. Контрфактические исследования исторического прошлого в отечественном научном познании конца XX – начала XXI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 5 (28).С. 11-12.

Библиография

- Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1983. 701 с.
- Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.: ПЕРСЭ; СПб: Университетская книга, 2000. 543 с.
- А что, если бы? Альтернативная история. М. – СПб: АСТ, 2002. 604 с.
- Баранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 117–127.
- Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112–123.
- Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб: Изд-во «Вестника знания» (В.В.Битнера), 1908. 69 с.
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.
- Бочаров А.В. Идея альтернативности исторического развития в отечественной историографии // История мысли. Русская мыслительная традиция: 2. М.: Вузовская книга, 2003. С. 149-166.
- Будыко М.И. Эпизоды истории: Очерки. СПб: Наука, 2001. 475 с.
- Бушков А.А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М.: ОЛМА ПРЕСС, 1999. 608 с.
- Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
- Возможны ли математические модели истории? «Круглый стол» ученых. // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 111–122.
- Генри О. Короли и капуста. Новеллы. Л.: Лениздат, 1986. 640 с.
- Гобозов И.А. Введение в философию истории. М.: ТЕИС, 1993. 307 с.
- Гулыга А.В. Искусство истории. М.: Современник, 1980. 288 с.
- Гусейнов А.А. Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 3–33.
- Гуц А.К. Многовариантная история России. М.: АСТ, 2000. 384 с.
- Даунинг Д. Московский выбор. Альтернативная история Второй мировой войны. М.: АСТ, 2006. 267 с.

- Дуршмид Э. Победы, которых могло не быть. М.: АСТ, 2000. 560 с.
- Диакон Л. История. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Дроздов Ю.И., Фартышев В.И. Юрий Андропов и Владимир Путин. На пути к возрождению. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 350 с.
- Егоров В.К. История в нашей жизни. М.: Наука, 1990. 192 с.
- Журов Ю.В. Очерки методологии истории. Брянск: Издательство Брянского госпедуниверситета, 1996. 144 с.
- Звягинцев В.Д. Время игры. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 480 с.
- Иноземцев В.Л. Альтернативность общественного развития // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1991. № 2. С. 3–10.
- История Отечества. Учебник для 11 класса средней школы /Островский В.А., Старцев В.И., Старков Б.А., Смирнов Г.М. М.: Просвещение, 1992. 287 с.
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997. 285 с.
- Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.
- Круглый стол «Риск исторического выбора в России» // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 3-26.
- Круглый стол «История в сослагательном наклонении»? //Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 5–85.
- Козин Н.Г. Познание и историческая наука (Эмпирический и теоретический уровни знания и познания и историческая наука). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 150 с.
- Клаузевиц К. О войне. М.: Логос, 1997. 507 с.
- Кейтель В. Размышления перед казнью. Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск: Русич, 2000. Смоленск: Русич, 2000. 608 с.
- Кудряшов С.В., Олейников Д.И. Оккупированная Москва // Родина 1995. № 5. С. 11–19.
- Ладюри Э. Застывшая история // THESIS. 1993. № 2. С. 153–172.

- Ланцов М.Л. Маршал Советского Союза. М.: Яуза, ЭКСМО, 2014. 352 с.
- Ланглюа Ш.-В., Сеньбос Ш. Введение в изучение истории. СПб: Образовательная библиотека, 1899. 279 с.
- Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7. С. 3–125.
- Лещенко В. Ветвящееся время. История, которой не было. М.: АСТ, 2003. 588 с.
- Лобин А.М. К вопросу о типологии беллетристики: жанровая модель современного историко-фантастического романа // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2010. № 3. С. 95–102.
- Лукиан из Самосаты. Избранное. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. 515 с.
- Макси К. Вторжение, которого не было. М.–СПб: АСТ, 2001. 544 с.
- Макси К. Упущенные возможности Гитлера. М.–СПб: АСТ, 2001. 544 с.
- Малинецкий Г.Г. Нелинейная динамика и «историческая механика» // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 100–112.
- Мартынов А.И. Археология. М.: Высшая школа, 1996. 415 с.
- Маршак С.Я. Сказки, песни, загадки. Стихотворения. В начале жизни. Страницы воспоминаний. М.: Детская литература, 1987. 639 с.
- Махров М.А, Орлов Б.М. «Царствуй на страх врагам! «Прогрессор» на престоле. М.: Яуза: ЭКСМО, 2012. 320 с.
- Мизес Л. Теория и история. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 295 с.
- Могильницкий Б.Г. Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 3–18.
- Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио. М.: Вече, 2004. 480 с.
- Модестов С.А. Бытие несвершившегося. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 176 с.
- Мурадян А.А. Двуликий Янус. Введение в политологию. М.: Международная педагогическая академия, 1994. 320 с.

Назаретян А.П. Знает ли история сослагательное наклонение? (Мегаисторический взгляд на альтернативные модели) // *Философские науки*. 2005. № 2. С. 7–18.

Норт Д. Наполеоновские войны. Что, если? ... М.– СПб: АСТ, 2002. 539 с.

Панов А.Д. Сингулярная точка истории // *Общественные науки и современность*. 2005. № 1. С. 127–142.

Первухин М. К. Пугачев-победитель. Екатеринбург: АСТ, 1994. 490 с.

Пламя «холодной войны». Операции, которых не было. Под общ. ред. П. Цураса. М.: АСТ, 2004. 476 с.

Победа Восходящего Солнца. М.: АСТ, 2004. 476 с.

Победы Третьего рейха. Альтернативная история Второй Мировой войны. М.: АСТ, 2005. 378 с.

Полищук О.Л. Классификация альтисторических произведений в новейшем литературном процессе // *Молодой вчений*. 2015. № 2 (5). С. 95-99.

Поликарпов В. Если бы... Исторические гипотезы. Ростов-на Дону: Изд-во «Феникс», 1996. 512 с.

Померанц Г.С. История в сослагательном наклонении // *Вопросы философии*. 1990. № 11. С. 55-66.

Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. 656 с.

Поликарпов В. Если бы... Исторические гипотезы. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. 512 с.

Пригожин И., Стенгерс И. *Время, Хаос, Квант*. М.: Наука, 1994. 272 с.

Пригожин И. Переоткрытие времени // *Вопросы философии*. 1989. № 8. С. 3–19.

Пригожин И. *Философия нестабильности*// *Вопросы философии*. 1991. № 6. С. 45–54.

Розанов Г.Л. Сталин-Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939–1941гг. М.: *Международные отношения*, 1991. 224 с.

- Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002. 656 с.
- Российский Военный Сборник. Выпуск 13. М.: Русский путь, 1997. 624 с.
- Сахаров А.М. Методология истории и историография (Статьи и выступления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 216 с.
- Сачков Ю.В. Научный метод. Вопросы и развитие. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 160 с.
- Серебрянников В.В. Социология войны. М.: Научный мир, 1997. 398 с.
- Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов. М.: АСТ, 2003. 511 с.
- Степин В.С. Философия и образы будущего // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 34–51.
- Стоун Л. Будущее истории // THESIS. 1994. № 4. С. 164-178.
- Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 608 с.
- Тойнби А.Д. Если бы Александр не умер тогда ...// Знание-сила. 1979. № 12. С. 39-42.
- Тойнби А.Д. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели // Знание-сила. 1994. № 8. С. 60-65.
- Тит Ливий. История Рима от основания Города. В 3 т. Т.1. М.: Ладомир, 2002. 702 с.
- Тополь Э. Завтра в России. М.: АСТ, 1992. 416 с.
- Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. М.: Языки русской культуры, 1996. 608 с.
- Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания. Благовещенск: БГК, 1998. 352 с.
- Фесенко Д.Е. О контрфактическом исследовании архитектурной истории // Архитектурный вестник. 2007. № 1 (94). С. 120-124.
- Философия истории. Учебное пособие. Под ред. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 2001. 432 с.

Харитонович Д.Э. Что такое альтернативная история и кому она нужна? // Искусство кино. 2003. №1. С. 56–59.

Харитонович Д.Э. История структур и история событий // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Coda, 1996. С. 174–176.

Шубин А.В. 1937. АнтиТеррор Сталина. М.: Яуза Эксмо, 2010. 352 с.

Шубин А.В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: ООО Родина МЕДИА, 2014. 456 с.

Экштут С.А. В поиске исторической альтернативы (Александр I. Его сподвижники. Декабристы). М.: ИЦ «Россия молодая», 1994. 230 с.

Экштут С.А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 79–92.

Юзефович Г.Л. Сад расходящихся тропок // Ежедневный журнал. № 10. (13. 03. 2002 г.). С. 63–66.

Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. 560 с.

Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1964. 296 p.

Fogel, R., Engerman, S. The Economic of Slavery. The Reinterpretation of American Economic History. L.: Harper and Row, Publishers, 1971. P. 311–342.

Jenner W.J.F. The Tyranny of History: the Roots of China's crisis. London: Allen Lane /Penguin Press, 1992. 290 p.

If or History Rewritten. N. Y.: Harper and Row, Publishers, 1931. 320 p.

Historically Speaking. 2004. Vol. V. № 4. P.10–30.

Избранные работы автора по теме

Нехамкин В.А. Проблема поливариантности исторического процесса: генезис, пути решения. Монография. М.: МАКС-Пресс, 2002. 104 с.

Нехамкин В.А. Проблема сослагательного наклонения в научном познании: сущность и функции // Alma Mater (Вестник Высшей школы). 2003. № 6. С. 40–42.

Нехамкин В.А. Сослагательное наклонение в истории // Alma Mater (Вестник Высшей школы). 2004. № 9. С. 54–57.

Нехамкин В.А. О методике преподавания истории: контрфактическое моделирование // Высшее образование в России. 2005. № 6. С. 101–104.

Нехамкин В.А. От альтернативной истории к контрфактическому моделированию // Человек. 2005. № 6. С. 56–62.

Нехамкин В.А. Сослагательное наклонение в историческом познании // Вестник РАН. 2006. №2. С. 135–138.

Нехамкин В.А. Контрфактическое историческое моделирование К. Клаузевица: теоретико-методологический аспект // Вопросы философии. 2006. № 6. С.105–115.

Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования и синергетика (Пути взаимодействия) // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 120 – 129.

Нехамкин В.А., Нехамкин А.Н. Если бы победили декабристы...// Вестник РАН. 2006. № 9. С. 805–812.

Нехамкин В.А. Контрфактические исследования в историческом познании: генезис, методология: Монография. М.: МАКС Пресс, 2006. 175 с.

Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования в системе научного познания // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 131 – 140.

Нехамкин В.А. Альтернативы прошлого в философии истории: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. на соиск. уч. степени докт. филос. наук. М.: Макс-пресс, 2008. 34 с.

Нехамкин В.А. Методы контрфактического анализа прошлого в системе историко-экономических исследований: пути совершенствования // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 3. С. 31–46.

Нехамкин В.А. Контрфактическое моделирование исторического развития в отечественном гуманитарном познании XVII-XX вв. // История мысли. Русская мыслительная традиция. 2009. Вып. 5. С. 93–112.

Нехамкин В.А. Сценарии несостоявшейся истории: за и против // Вестник РАН. 2009. № 12. Т. 79. С. 1099 – 1106.

Нехамкин В.А. Становление контрфактической истории: философско-методологический аспект. Монография. М.: Макс-Пресс, 2010. 295 с.

Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. 2011. № 1 (4). С. 102–120.

Нехамкин В.А. Роль и значение контрфактических исторических исследований в современном научном познании // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Вып. 2 (18). С. 7–8.

Нехамкин В.А. Альтернативы российской монархии в 1917 г.: опыт философско-исторического анализа // Социум и власть. 2013. № 6. С. 73–79.

Нехамкин В.А. Контрфактические исследования исторического прошлого в отечественном научном познании конца XX – начала XXI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 5 (28). С. 11–12.

Нехамкин В.А. Альтернативная история: в поисках уроков из прошлого (философский анализ) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 8 (1). С. 38–45.

Нехамкин В.А., Полякова И.П. Антипрогрессистские теории социально-исторической динамики // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 7. С. 610–617.

Нехамкин В.А. Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Вып. 7 (40). С. 11-12.

Нехамкин В.А. Контрфактический вызов прошлого: пути преодоления // Вестник РАН. 2017. Т. 87. № 3. С. 248–256.

Нехамкин В.А. Источники по Альтернативной истории и их методологическое значение // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № 2 (56). DOI 10.18254/S0001696-4-1.

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.de

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.de

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Bahnhofstr. 28
D - 66111 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscrptum.com
www.omniscrptum.com

OMNIScriptum

